

**Воспоминания
бывших малолетних узников
концентрационных лагерей Германии —
жителей г. Петрозаводска
Часть 1
(на русском и немецком языках)**

**Die Erinnerungen von Petrosawodker Bürgern,
die als Kinder in deutschen
Konzentrationslagern leben mussten
Teil 1
(auf Russisch und auf Deutsch)**

Петрозаводск
2020



Edited with the demo version of
Infix Pro PDF Editor

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

УДК 82-94
ББК 63.3
В77

Издаётся по решению Карельской региональной организации
бывших малолетних узников концлагерей уничтожения в Германии
на средства муниципального гранта
от Администрации Петрозаводского городского округа в 2020 году

Составитель *Е. А. Яковлева*

**В77 Воспоминания бывших малолетних узников
концентрационных лагерей Германии – жителей
г. Петрозаводска.** – Ч. 1 (на русском и немецком языках) /
Erinnerungen von Petrosawodker Bürgern, die als Kinder in deutschen
Konzentrationslagern leben mussten. – Teil 1 (auf Russisch und auf Deutsch)
/ сост.

Е. А. Яковлева. – Петрозаводск, 2020. – 64 с.

В сборнике представлены воспоминания членов Карельской региональной
организации бывших малолетних узников концлагерей уничтожения в
Германии.

УДК 82-94

© Яковлева Е. А., сост., 2020



Edited with the demo version of
Infix Pro PDF Editor

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В сборе воспоминаний участвовали:

Волонтеры: преподаватели и студенты Петрозаводского государственного университета, Института иностранных языков Яковлева Екатерина Анатольевна, Зинчук Ольга, Титова Полина.

Перевод воспоминаний на немецкий язык, а также составление рекомендаций и вопросов к проведению интервью произвела волонтер Тайль Моника (г. Кёльн, Германия).

В сборнике представлены воспоминания Бордановского Владимира Леонтьевича, Гапонова Дмитрия Тимофеевича, Заборской Зинаиды Владимировны, Микхиевой Валентины Семёновны, Костенко Натальи Ивановны, Брынина Юрия Михайловича. Все они — члены Карельской региональной организации бывших малолетних узников концлагерей уничтожения в Германии. При содействии организации в г. Петрозаводске существует Музей жертв фашизма им. М. Кольбе.

Сборник опубликован на средства муниципального гранта от Администрации Петрозаводского городского округа в 2020 году.

Am Zustandekommen dieser Dokumentation waren beteiligt: Jakowlewa Jekaterina Anatoljewna, Lehrerin am Institut für Fremdsprachen an der Staatlichen Petrosawodkser Universität sowie die Studentinnen Olga Sintschuck und Polina Titowa. Alle drei arbeiten ehrenamtlich im Maximilian-Kolbe-Museum für die Opfer des Faschismus in Petrosawodsk/Karelien.

Monika Theil aus Köln in Deutschland half bei der Vorbereitung der Interviews und bei den Übersetzungen in die deutsche Sprache.



Vladimir Bordanowskij, Dmitri Gaponow, Sinaida Sabor-skaja, Walentina Mikchijewa, Natalia Kostenko, Juri Brinin haben uns ihre Erinnerungen erzählt oder aufgeschrieben. Alle von ihnen sind Mitglieder der karelischen Regionalorganisation ehemaliger minderjährigen Gefangener von Vernichtungslagern in Deutschland. Mit Unterstützung der Organisation gibt es in Petrosawodsk das Museum der Opfer des Faschismus. von M. Kolbe.

Dieses Heft konnte veröffentlicht werden mit Hilfe eines staatlichen Zuschusses der Stadtverwaltung von Petrosawodks.

Petrosawodsk im November 2020.

БОРДАНОВСКИЙ ВЛАДИМИР ЛЕОНТЬЕВИЧ

Воспоминания записаны собственноручно

Прошло 75 лет со дня Победы над фашизмом, но пережитое время войны, даже в детском возрасте, **не забывается.**

Воспоминания бывшего малолетнего узника Бордановского Владимира Леонтьевича, председателя правления Карельской региональной общественной организации бывших малолетних узников концлагерей уничтожения в Германии, директор общественного Музея жертв фашизма им. М. Кольбе, член организационного комитета «Победа» при Главе Республики Карелия, Почётный гражданин г. Петрозаводска, Заслуженный строитель республики Карелия, награждённый медалями I и II степени ордена «За заслуги перед Отечеством», юбилейными медалями 20, 50, 60, 65, 70, 75 лет Победы в Великой Отечественной войне.



Фото из личного архива В. Л. Бордановского

Мой подлинный день рождения 21 ноября 1937 года, это сказали родители, с большим опозданием подтвердили знающие родственники и соседи, когда в 1953 году после окончания семи классов возникла необходимость получать паспорт.

Но без свидетельства о рождении паспорт не получить. Пришлось проходить медицинскую комиссию и так называемое наружное освидетельствование, после чего был вынесен вердикт, что я родился 10 мая 1939 года. С этим несправедливым приговором я живу по сей день. Подлинные документы сгорели вместе с домом в самом начале войны. Место рождения — деревня Старый Двор, Лясковичского сельского совета, Октябрьского района Полесской области БССР (ныне Гомельская область Белоруссии) в семье сельского учителя. Кроме меня в семье было ещё два старших брата. Всё, казалось, предвещало счастливую жизнь. Семья была самодостаточной, свой дом, приусадебный участок с хозяйственными постройками для скотины, огород, сад. Рядом с участком располагался сохранившийся панский парк, с экзотическими растениями, такими как акации, клёны, каштаны, ясени, дубы, липы, серебристые ели вперемешку с кустарниками. Во весь этот ландшафт лаконично вписывались искусственные пруды с нависающими вековыми плакучими ивами — небывалая вокруг красота, живи и радуйся жизни. В начале войны папе 31 год, маме 27 лет, и три сына, счастливая семья.

Но вся эта красота, молодость, радость и счастье оборвались в один миг с началом войны 22 июня 1941 года.

Эта ужасная весть быстро докатилась и до полесской глубинки. Через короткое время появились первые карательные отряды немцев, которые устанавливали новую власть при пособничестве полицаяв и предателей огнём, расстрелами, грабежами, расправами над активистами. Первое же посещение карателей не прошло для нашего «клана» без жертв и потерь имущества и скотины. По указке местного предателя-полицая сожгли наш дом вместе со всеми постройками и скотиной, как жильё активиста-коммуниста, учителя, пропагандиста и интел-

лигента на территории Лясковичского совета, куда входило около десяти деревень. В этот же день из-за сопротивления карателям при конфискации скота (любимца-жеребца, коровы, бычка и свиней) дедушку по линии мамы избили на глазах родственников, а потом повесили на перекладине над воротами и не разрешали снимать три дня.

Прошло совсем немного времени. Мы получили сообщение, что в соседнем районе в городском поселении Глуша Глусского района расстреляны дедушка и бабушка по линии отца. Папа и мама с большим риском для жизни ушли на похороны, оставив нас в доме бабушки. Удручающая обстановка в доме и в целом в деревне, горе, слёзы, стрессы близким и родным не прошли бесследно, и передавались нам, детям, видевшим всё это своими глазами, такое забыть невозможно.

На действия фашистов и их приспешников, принёсших ужас и горе, народ начал объединяться, и все, кто мог носить оружие, добровольно шли в лес и организовывали партизанские отряды, отряды мстителей. Пинская область одна из первых в Белоруссии стала зоной партизанского движения, на её территории размещался подпольный обком КПСС, практически организатор всего партизанского движения в Белоруссии. В лесу партизаны строили базы, рыли землянки, шалаши, запасали продукты и в трудное время помогали местному мирному населению. На территории Лясковичского сельсовета был организован партизанский отряд, командиром которого стал мой дядя, муж двоюродной сестры мамы.

Близость деревни Старый Двор к лесному массиву позволяла при появлении карательных отрядов убегать и прятаться в лесу, что злило фашистов и они сожгли всю деревню с хозяйственными постройками и общим колхозным двором. Почти весь 1942/43 год жители деревни жили



в лесу в землянках и шалашах. Борьба фашистов с партизанами приводила к обстрелам и бомбёжкам мирного населения. Были жертвы и немалые. Но невыносимый страх и ужас наводили бомбёжки пустыми продырявленными бочками. Этот вой наводил ужас, стал незабываемым. В конце 1943 года, когда Красная Армия вышла на линию р. Днепр, освободила частичку Белоруссии, в т. ч. г. Гомель и значительную часть Украины, в т. ч. г. Киев к ноябрьским праздникам, настала передышка в наступлении. Из прифронтовой зоны значительная часть партизан была отозвана за линию фронта, а другая часть отправлена в глубокий тыл в западные районы.

Фашисты воспользовались сложившейся ситуацией, усилили карательную деятельность по отношению к населению, безжалостно жгли деревни и леса, обстреливали из орудий и миномётов места обитания прятавшихся жителей. В один из таких карательных заходов в окрестностях деревни Старый Двор собрали более ста человек — детей, стариков, женщин и пешком погнали 15 км до деревни Красная Слобода, где был заранее подготовлен лагерь. Он размещался в колхозном амбаре, обнесённом колючей проволокой с часовыми на вышках с автоматами. Это был первый сортировочный концлагерь, в котором я оказался с братьями и бабушкой. Каждый день лагерь пополнялся новой партией пленников. Наиболее здоровых и молодых грузили на грузовики и увозили, по слухам между оставшимися, на строительство оборонительных сооружений.

Прошло какое-то время (несколько дней) по команде всех оставшихся построили во дворе, окружили охраной из автоматчиков с собаками и отправили в путь, без объяснения — куда. Шли весь день. Старики и дети, обессиленные, полуголодные просили отдыха, но услышать просьбу каратели не желали. Кто останавливался без раз-

решения, или садился на обочине — натравливали собак, которые безжалостно рвали жертву на части, а охранники бесцеремонно стреляли в жертву. К вечеру оказались, преодолев путь в 30 км, в деревне Рабор в таком же лагере, но здесь была железнодорожная станция. Сортировка продолжалась, здесь грузили в вагоны (товарные), и увозили, по слухам, в Германию. Мы по каким-то параметрам туда не попали. Через несколько дней опять собрали приличную колонну человек под 100, в окружении автоматчиков с собаками погнали дальше, но куда — не объясняли. Условия были те же. Беспомощных безжалостно расстреливали. Так мы прошли концлагеря в деревнях Гать, Протасы, Ломовичи, в конечном итоге оказались в концлагере «Озаричи», этот путь был более 100 км.

Концлагерь «Озаричи» представлял собой ничем не оборудованную редколесную заболоченную территорию, обнесённую колючей проволокой в два ряда. Подходы к лагерю были заминированы, вокруг стояли пулёмётные вышки с охраной. Согнанные в этот лагерь более 50 тысяч человек размещались на сырой болотистой земле. Костры разводить не разрешалось, шалаши строить запрещалось, за непослушание — расстрел. Людей не кормили, не давали воды. Пленники использовали болотную, ржавую, вонючую воду. Всё это способствовало быстрому распространению таких болезней, как брюшной тиф, дизентерия, пневмония, малярия и другие заразные болезни. Каждый день умирали множество заключённых, мёртвых не хоронили. Но фашисты не гнушались ничем, они преследовали основную цель: лагерь служил живым щитом в обороне, они рассчитывали, что Красная армия по своим стрелять не будет, а при освобождении произойдёт контакт с заразными больными и может быть массовое заражение освободителей.

Время существования концлагеря «Озаричи» было недолгим, но признан он как лагерь смерти, так как даже короткое время, проведённое в нём, приносило людям многочисленные болезни, физические и психические травмы, и в значительной части смертельный исход. В этом лагере от голода, холода и болезней умерло более 20 тысяч человек.

В марте 1944 года Красная Армия освободила из Озаричского концлагеря 33480 человек, из них 15960 детей. Обессилевших и больных узников солдаты эвакуировали на носилках, детей выносили на руках. Тех, кто сам держался на ногах, сапёры выводили цепочкой по узким проходам, расчищенным от мин. Я, в это время болевший малярией, был без сознания. Старший брат вместе с сапёрами вынесли меня, бесчувственного, на руках и определили в один из 11 развёрнутых военных госпиталей, которые спасали тяжело больных узников. Мой детский организм быстро оправился от болезни, но не бесследно. Малярия оставила свой след на селезёнке, которая оказалась более поражённой. Спасибо военным медикам, они спасли меня от смерти, практически дали мне вторую жизнь. Такое забыть невозможно.

Но если признаться откровенно, всю жизнь приходилось себя успокаивать, внушать себе, что всё то пережитое время, страшное и ужасное, не повторится и следует его забыть, так как каждое воспоминание вызывает психическое потрясение, бессонницу, и приходится принимать успокоительное. Не всегда это по жизни получалось, и в одно из первых посещений в Белоруссии мемориала «Хатынь» я нашёл в себе силы и на одном дыхании написал в стихотворной форме о прошлом балладу «Жизнь на грани смерти». Может странно, но факт: я сам её читать не могу без комка в горле и со слезой.

Баллада «Жизнь на грани смерти»

На верную смерть сгоняли стариков и детей,
В заранее подготовленный Концлагерь возле «Озаричей»,
Там фашисты из них «живой щит» колотили,
А голод, холод и болезни тысячами их ежедневно косили.

В детской памяти моей сохранилась лишь часть той панорамы,
Когда людей измученных, еще живых, закапывали во рвы
и ямы,
Земля там шевелилась, и слышались страшные стоны,
Это фашизм оголтелый совершенствовал смерти приемы.

Среди массы людей обессиленных, усыпанных тифозными
вшами,
Горы трупов за ночь вырастали между нами,
Болезнью поверженные еще полуживые тела,
Боролись за жизнь, и, казалось бы, их смерть не брала.

Будь проклят фашизм, столько горя нам дал,
Безвинных детей на медицинские опыты брал,
Газом травил, морозом морозил, живыми в огне сжигал,
Миллионы мирных людей не щадил — всех убивал.

По всей округе в огне пылали дома, сараи и клетки,
В колхозных амбарах заживо горели старики и дети,
Людей собаки рвали в клочья до полусмерти,
Ведь это творили «нелюди», изверги — черти.

Те дети, что в концлагере «Озаричи» были,
Они не забудут увиденного там никогда,
И, выжившим чудом, живущим расскажут,
Какой они «Ад» пережили тогда.



Мы — дети той страшной войны со звериными образами,
Ежедневно видели тысячи смертей своими глазами,
Колючая проволока, на вышке фашист с автоматом — всели-
ли нам страх,
Засевший навечно в наших детских сердцах.

Давно это было, прошло лихолетье,
Мы — старики, и давно уже не дети,
Но слез наших детских во век не забыть,
Спасенным вдвойне повезло — до старости в мире прожить.

Слава и низкий поклон Воинам и медикам нашим,
Всем еще живым, а также в битвах павшим,
От верной смерти нас в медсанбатах отходили,
Жизнь вторую нам из концлагеря «Озаричи» подарили.

Вечная память миллионам убиенных,
Самой страшной бесчеловечной войной,
А жизнь человеческая — это плод священный,
И посягательств на нее прав никому не дано.

Жить научиться бы нашим потомкам,
С оглядкой смотреть на историю, на ее жестокий урок,
С холодным умом и трезвым рассудком
Не допустить подобной войны сейчас и потом.

В. А. Бордановский

Bordanowskij Wladimir Leontiewitsch

*Die Erinnerungen wurden von ihm
eigenhändig aufgezeichnet*

75 Jahre sind seit dem Sieg über den Faschismus vergangen, aber die Erfahrung des Krieges, auch die in der Kindheit, sind nicht vergessen.

Dies sind die Erinnerungen des ehemaligen minderjährigen Gefangenen Bordanowskij Wladimir Leontiewitsch; Vorstandsvorsitzender der regionalen öffentlichen Organisation Kareliens ehemaliger minderjährigen Gefangener von Vernichtungslagern in Deutschland, Direktor des öffentlichen Museums der Opfer des Faschismus von M. Kolbe; Mitglied des Organisationskomitees «Sieg» unter der Leitung der Republik Karelien; geehrter Bürger von Petrosawodsk; geehrter Bauer der Republik Karelien, verliehen mit Medaillen der Grade I und II des Verdienstordens an das Vaterland; Jubiläumsmedaillen 20, 50, 60, 65, 70 75 Jahre des Sieges im Großen Vaterländischen Krieg.

Mein richtiger Geburtstag ist der 21. November 1937. Dies sagten meine Eltern, und sachkundige Verwandte und Nachbarn bestätigten dies. Als ich 1953 nach Abschluss der siebten Klasse einen Reisepass beantragte, hatte ich keine Geburtsurkunde. Sie war zu Beginn des Krieges zusammen mit unserem Haus verbrannt. Deshalb konnte ich zunächst keinen Pass bekommen und musste mich einer medizinischen Untersuchung unterziehen. Aufgrund dieser Untersuchung wurde festgelegt, dass mein Geburtstag am 10. Mai 1939 sei. Ich lebe bis heute mit dieser unrichtigen Angabe.

Mein Geburtsort ist das Dorf Starij Dwor. Es liegt in Polesien. Heute ist dies die Gegend von Gomel in Weißrussland.



Mein Vater war Lehrer. Außer mir gab es zwei ältere Brüder in der Familie. Uns schien ein glückliches Leben beschieden zu sein. Unsere Familie war autark. Sie besaß ein Grundstück mit einem eigenen Haus und Nebengebäuden für das Vieh, einem Gemüsegarten und einem Blumengarten. In der Nähe des Geländes befand sich ein Park mit exotischen Pflanzen wie Akazien, Ahorn, Kastanien, Eschen, Eichen, Linden und silbernen Fichten, gemischt mit Sträuchern. Künstliche Teiche mit überhängenden, uralten Trauerweiden prägten diese ganze Landschaft mit ihrer beispiellosen Schönheit. Wir konnten das Leben genießen. Mit den drei Söhne waren wir eine glückliche Familie.

Aber all diese Schönheit, Jugend, Freude und dieses Glück endeten augenblicklich mit dem Ausbruch des Krieges am 22. Juni 1941. Papa war zu der Zeit 31 Jahre alt und meine Mutter war 27 Jahre alt. Die schreckliche Nachricht erreichte schnell das polesische Hinterland. Nach kurzer Zeit erschienen die ersten Einheiten der Deutschen. Sie verbündeten sich mit einheimischen Polizisten und Verrätern und begründeten mit Feuer, Hinrichtungen, Raubüberfällen und Repressalien eine neue Macht.

Ihr allererster Besuch bei uns verlief nicht ohne Opfer und Verlust. Unser Eigentum und unser Vieh ging verloren. Ein Polizist hatte uns verraten. Auf sein Geheiß hin brannten sie unser Haus zusammen mit allen Gebäuden und Tieren nieder. Der Vorwurf lautete, mein Vater sei ein kommunistischer Aktivist, ein Lehrer, Propagandist und Intellektueller in unserer Gegend, zu der etwa ein Dutzend Dörfer gehörten. Am selben Tag wurde mein Großvater mütterlicherseits von den Nazis in aller Öffentlichkeit verprügelt, weil er sich gegen die Beschlagnahme des Hengstes, einer Kuh, eines Stiers und eines Schweins gewehrt hatte. Anschließend wurde er an der Quer-

latte über dem Tor aufgehängt. Wir durften ihn drei Tage lang nicht von dort herunterholen.

Die Großeltern väterlicherseits lebten im Nachbarbezirk in der Stadt Gluscha. Kurze Zeit später erhielten wir die Nachricht, dass sie erschossen worden waren. Vater und Mutter, die damit ein lebensgefährliches Risiko eingingen, machten sich zur Beerdigung auf und ließen uns im Haus der Großmutter zurück. An uns Kindern lief das alles nicht spurlos vorbei. Das ganze Dorf war in Trauer und Tränen aufgelöst, alle Verwandten und Freunde enorm belastet. Wir waren sehr bedrückt. Es war unmöglich für uns zu vergessen, was wir alles mit eigenen Augen angesehen hatten.

Die entsetzlichen Aktionen der Faschisten und ihrer Handlanger hatten zu Folge, dass sich die Menschen zusammenschlossen. Jeder, der freiwillig eine Waffe tragen konnte, ging in den Wald und half mit beim Aufbau von Partisanengruppen. Die Region Pinsk war eine der ersten in Weißrussland, die zu einer Hochburg der Partisanenbewegung wurde. Dort arbeitete das Regionalkomitee der KPdSU im Untergrund und war praktisch der Organisator der gesamten Partisanenbewegung in Weißrussland. Im Wald bauten die Partisanen Stützpunkte, Hütten und Unterstände. Sie besorgten Lebensmittel und halfen der einheimischen Zivilbevölkerung in diesen schwierigen Zeiten. In Ljaskowitschi bildete sich eine Partisanenabteilung, deren Kommandeur mein Onkel wurde, der Ehemann der Cousine meiner Mutter.

Weil unser Dorf Starij Dwor in der Nähe des Waldes lag, war es uns möglich, uns vor den deutschen Strafabteilungen zu verstecken. Darüber ärgerten sich die Nazis so sehr, dass sie das gesamte Dorf mit allen Neben- und Gemeinschaftsgebäuden abbrannten. In den Jahren 1942 und 1943 lebten daher die Dorfbewohner im Wald in Unterständen und Hütten. Beim Kampf zwischen den Nazis und den Partisanen gab es aller-

dings auch unter den Zivilisten viele Opfer. Unerträgliche Angst und Entsetzen verursachten die Bombardierungen mit leeren, perforierten Fässern. Dieses Heulen war so erschrecken, dass ich es nie vergessen habe.

Ende 1943 überschritt die Rote Armee die Flusslinie des Dnjepr und befreite einen Teil von Weißrussland. Auch Gomel und ein bedeutender Teil der Ukraine waren dabei. Im November gab es eine Kampfpause. Aus der Frontzone wurde ein erheblicher Teil der Partisanen hinter die Frontlinie zurückgezogen, und der andere Teil wurde in den westlichen Regionen weit hinter die deutschen Linien geschickt.

Die Nazis nutzten die Situation und verstärkten die Strafmaßnahmen gegen die Bevölkerung. Sie brannten gnadenlos Dörfer und Wälder nieder und feuerten auf die Lebensräume der versteckten Bewohner.

Bei einem dieser Strafaktionen in der Nähe des Dorfes Starij Dwor mussten sich mehr als hundert Menschen versammeln, Kinder, alte Menschen und Frauen. Wir wurden gezwungen, zu Fuß 15 km in das Dorf Krasnaja Sloboda zu laufen, wo ein Lager für uns vorbereitet worden war. Es befand sich in der Scheune einer Farm und war umgeben von Stacheldraht. Auf den Türmen saßen Wachposten mit Maschinengewehren. Es war das erste Konzentrationslager, in dem ich mit meinen Brüdern und meiner Großmutter landete. Jeden Tag kamen im Lager neue Gruppe von Gefangenen an. Die Stärksten und Jüngsten wurden auf Lastwagen verladen und weggeführt. Es hieß, dass sie beim Bau von Verteidigungsstrukturen eingesetzt werden sollten.

Mehrere Tage vergingen. Schließlich wurden alle, die noch da waren, von Wachen mit Maschinengewehren und Hunden umgeben, ohne Erklärung auf die Straße geschickt. Niemand wusste, wohin es gehen sollte. Wir marschierten den ganzen Tag. Die alte Menschen und die Kinder waren bald sehr er-

schöpft und hungrig. Sie baten um eine Pause, aber die Wachen wollten die Bitten nicht hören. Wer ohne Erlaubnis stehenblieb und sich an den Straßenrand setzte, auf den hetzten sie die Hunde. Die rissen das Opfer gnadenlos in Stücke und die Wachen erschossen dann kurzerhand das Opfer.

Am Abend kamen wir nach einem 30 Kilometer langen Marsch im Dorf Rabkor an. Auch dort gab es ein Lager, aber auch einen Bahnhof. Wir wurden weiter sortiert. Einige wurden verladen und Gerüchten zufolge nach Deutschland gebracht. Wir aber waren aus irgendeinem Grund nicht dabei.

Ein paar Tage später wurde wieder eine große Kolonne von etwa 100 Personen zum Weitermarsch zusammengestellt, umgeben von Maschinengewehren und Hunden. Wieder erklärte niemand, wohin es ging. Die Bedingungen waren die gleichen wie zuvor. Die Hilflosen wurden rücksichtslos erschossen. Auf diese Weise kamen wir durch die Lager in den Dörfern Gat, Protasi, Lomowitschi und endeten schließlich im Konzentrationslager Osaritschi. Insgesamt hatten wir mehr als 100 km zurückgelegt.

Im Konzentrationslager Osaritschi gab es keine Gebäude und keine sanitären Einrichtungen. Es lag in einem spärlich bewaldeten Gebiet, umgeben von zwei Reihen Stacheldraht.

Das Lager wurde komplett abgeriegelt. Auf den Türmen saßen Wachen mit Maschinengewehren. Mehr als 50.000 Menschen befanden sich in diesem Lager unter freiem Himmel und lagerten auf feuchtem, sumpfigem Boden. Es war verboten, Feuer zu machen. Es war verboten, Hütten zu bauen. Wer ungehorsam war, wurde hingerichtet. Es gab weder Lebensmittel noch Trinkwasser für die Menschen. Die Gefangenen benutzten rostiges, stinkendes Wasser aus dem Sumpf. All dies trug zur raschen Ausbreitung von Krankheiten wie Typhus, Ruhr, Lungenentzündung, Malaria und anderen ansteckenden



Krankheiten bei. Jeden Tag starben viele Gefangene. Die Toten konnten nicht ordentlich begraben werden.

Die Nazis verachteten uns. Ihr Hauptziel war, das Lager zu einem menschlicher Schutzschild werden zu lassen. Man ging davon aus, dass die Rote Armee bei einer Befreiung des Lagers nicht auf ihre eigenen Leute schießen würde. Stattdessen erwartete man, dass die hochinfektiösen Lagerinsassen die Soldaten anstecken und sie auf diese Weise vernichten würden.

Das Lager Osaritschi existierte nicht lange. Es wurde jedoch als Todeslager anerkannt, da dort in sehr kurzer Zeit mehr als 20.000 Menschen an Hunger, Kälte und Krankheit starben.

Im März 1944 befreite die Rote Armee 33.480 Menschen aus dem Konzentrationslager Osaritschi. Darunter waren 15.960 Kinder. Die Soldaten evakuierten die erschöpften und kranken Erwachsenen auf Tragbahren. Die Kinder trugen sie auf ihren Armen heraus. Diejenigen, die noch laufen konnten, wurden von den Pionieren auf einem schmalen, von Minen geräumten Weg in die Freiheit geführt.

Ich war damals an Malaria erkrankt und bewusstlos. Mein älterer Bruder trug mich zusammen mit den Pionieren vorsichtig hinaus. Ich kam in eins von elf Militärkrankenhäusern. Dort wurden die schwerkranke Gefangene gerettet. Mein kindlicher Körper erholte sich schnell von der Krankheit. Aber die Malaria hinterließ Spuren in meiner Milz, die stark betroffen war. Die Militärärzte retteten mich vor dem Tod und gaben mir praktisch ein zweites Leben. Es ist unmöglich für mich, das zu vergessen.

Aber ehrlich gesagt, musste ich mich mein ganzes Leben lang beruhigen und darauf hoffen, dass all diese schreckliche und schreckliche Zeit nicht wiederkommen wird. Ich wollte sie vergessen, da jede Erinnerung einen mentalen Schock und Schlaflosigkeit verursacht und man ein Beruhigungsmittel

nehmen muss. Das Vergessen hat im Leben jedoch nicht geklappt. Bei einem der ersten Besuche des Khatyn-Denkmal in Weißrussland fand ich die Kraft und schrieb in einem Atemzug in poetischer Form die Ballade «Leben am Rande des Todes». Es mag seltsam sein, aber es ist wahr: Ich selbst kann den Text nicht lesen ohne einen Kloß im Hals und ohne Tränen in den Augen.

Ballade «Das Leben am Rande des Todes»

Sie trieben alte Menschen und Kinder in den sicheren Tod zum Konzentrationslager in der Nähe von Osaritschi.
Dort wurden sie als menschliche Schilde benutzt.
Und Hunger, Kälte und Krankheit töteten jeden Tag tausende.

In meiner Kindheitserinnerung sind nur Bruchstücke erhalten geblieben.
Menschen, erschöpft und noch am Leben, wurden in Gräben und Gruben geworfen.
Die Erde fiel auf sie und man hörte ein schreckliches Stöhnen.
Dieser tollwütige Faschismus perfektionierte die Methoden des Tötens.

Entkräftete Menschen waren mit Typhusläusen übersät.
Nachts wuchsen die Berge von Leichen zwischen uns.
Kranke und halb tote Körper kämpften um ihr Leben.
Und anscheinend hatte der Tod kein Erbarmen.

Verdammter Faschismus, er hat uns so viel Kummer bereitet.
Nahm unschuldige Kinder für medizinische Experimente.
Vergiftete mit Gas, ließ Menschen erfrieren, verbrannte sie lebendig im Feuer.
Er hat nicht Millionen Zivilisten verschont. Er hat sie alle getötet.

Überall in der Nachbarschaft brannten Häuser, Schuppen und Ställe.

Alte Menschen und Kinder verbrannten lebendig in den Scheunen.
Hunde rissen Menschen zu Tode.

Es waren Unmenschen am Werk, Unholde — Teufel.

Die Kinder im Konzentrationslager Osaritschi, sie werden nie vergessen, was sie dort gesehen haben.

Durch ein Wunder habe sie überlebt. Sie werden es den Lebenden erzählen,
was für eine Hölle haben sie damals erlitten.

Wir sind die Kinder dieses schrecklichen Krieges mit seinen bestialischen Bildern.

Jeden Tag sahen wir Tausende Menschen mit eigenen Augen sterben.

Der Stacheldraht und auf dem Wachturm ein Faschist mit Maschinengewehr — hat uns die Angst eingeimpft, die sich für immer in unseren Herzen festgesetzt hat.

Es ist lange her, die schweren Zeiten sind vorbei.

Wir sind alte Leute und keine Kinder mehr.

Aber wir werden die Tränen von damals nicht vergessen.

Wir Geretteten haben doppeltes Glück. Bis ins hohe Alter leben wir immer noch in dieser Welt.

Ruhm und tiefe Ehrfurcht gilt unseren Soldaten und Ärzten.
Allen, die noch am Leben sind, und auch denen, die in den Schlachten gefallen sind.

Vor dem sicheren Tod wurden wir durch sie bewahrt.

Ein zweites Leben nach dem Konzentrationslager Osaritschi wurde uns geschenkt.

Ewige Erinnerung an die Millionen der Getöteten.
An den schrecklichsten aller unmenschlichen Kriege.
Menschliches Leben ist heilig.
Niemand hat das Recht es zu zerstören.

Unsere Nachkommen mögen lernen zu leben,
im Rückblick auf die Geschichte, auf ihre grausame Lehre.
Mit klugem Verstand und nüchternem Geist
verhindern sie einen solchen Krieg jetzt und in Zukunft.

W. L. Bordanowskij

Интервью с Дмитрием Тимофеевичем Гапоновым

*Беседу проводили студенты Института
иностранных языков ПетрГУ
Титова Полина, Зинчук Ольга при личной встрече
(октябрь, 2020 года)*



Фото из личного архива Д. Т. Гапонова

— *Где вы жили с родителями изначально?*

— Я из Брянской области. Деревня называлась Революция. Это была маленькая деревня, сорок дворов в деревне было где-то 40 километров от районного центра. У нас много партизанских бригад было.

— *Как произошло то, что Вас увезли?*

— Половину нашей деревни немцы подожгли, чтобы партизанам меньше было снабжать продуктами население. И мы перешли в контору такую большую, а потом в один из летних дней 1943 года налетел немецкий самолёт, разбомбил эту контору, там несколько партизан пострадали и после этого мы ушли в другую деревню (7 километров), думали там будет спокойнее, но в 1943 году нашу деревню окружили немцы. Всех собрали на площади, сказали, что повезут в Германию работать всех, а кто может идти до станции, 18 километров надо было идти, в мае месяце грязь по щиколотку, дорог не было раньше. Немцы сказали, что привезут на станцию, останьтесь там. В нашей семье было две дочери Зина

и Тоня (старшие) и младший братик Миша, он болел, видимо, почки, всё время просил соли, а соли не было нигде, в войну вообще не достать было, и он не мог ходить. Наша мама решила остаться в деревне этой, что нас немцы привезут на станцию, а она останется. У неё было три сестры и они уговорили маму поехать, они помогут донести Мишу до станции. Мы прошли 9 километров, нас потом оставили ночевать в большом сарае и вот в эту ночь братишка умер. Когда мы отошли от деревни, откуда нас выгоняли, мы увидели большой пожар. Я ездил в 2016 году на Родину, первый раз после войны побывал на своей родине, там, где наша деревня была, естественно, что один лес уже стоит, а у деревни, с которой нас выгоняли, узники наши поставили обелиск, где написано, что в этой деревне немцы сожгли живьём 85 человек, тех людей, которые остались. Потом нас привезли на станцию, погрузили в вагоны грузовые и повезли в Германию. Но в Германию не довезли нас, потому что в составе несколько человек заболели тифом, а немцы очень боялись тифа, поэтому нас не довезли до Германии и поместили в лагерь на территории Польши.

— *Расскажите, пожалуйста, ваши воспоминания о лагере.*

— Ну, я думаю, что лагеря были организованы заранее, колючая проволока была, дома пустые, куда нас размещали, бараки такие. Там в этих лагерях разместили нас. Но я запомнил очень хорошо, когда нас привели в этот лагерь и не кормили вообще, когда везли даже, нас не кормили, не поили ничем и колючая проволока, за которой немцы стояли и бросали сухари на нашу территорию, а естественно, что голодные люди, они же не разбирают, кто там маленький или большой, в кучу все за этими сухарями, драка, хватали, кто схватит, тому хорошо, а немцы фотографировали всё это, смеялись во всю, что, мол, вот



какие русские голодные, так интересно было им наблюдать. И в этом лагере мы были два года почти. Взрослых выгоняли на работу каждое утро, строили, овчарки, немцы с автоматами. Уводили их куда-то за лагерь. А мы, дети, находились в лагере. Ну, кормили, один раз была полевая кухня. Она приезжала к нам, вот, кормили такой настоящей баландой. Это горячая вода, отходы картошки, брюквы, моркови, которая уже портилась, и кусочек хлеба. Блокадникам Ленинграда давали 125 грамм хлеба на один день, вот и мы 125 грамм хлеба получали к этой баланде. А хлеб был тяжёлый такой. Там опилки, были отходы брюквы. И вот мы там сидели, в лагере этом, но, правда, что детям не разрешали никуда выходить за колючую проволоку, а особенно когда были эсэсовцы в чёрной форме, они очень жестокие были и даже когда вот увидят, что дети подходят к проволоке, они овчарку натравливали, чтобы мы убегали в лагерь, в дома прятались. Один раз мы убежали через колючую проволоку и несколько детей порвала насмерть, остальных покусала овчарка, которую офицер спустил на нас. Напротив нашего лагеря, за колючей проволокой, находился штаб тыла, видимо, и там стояла полевая кухня, на этой кухне работали немецкие солдаты, и вот один из солдат, когда мы подходили к проволоке, видит, что офицеров там нет, и мы ему начали воду, дрова к кухне подносить и он нас угощал. Или кусочек хлеба даст или давал капусту цветную. Я первый раз видел её, никогда не видел цветную капусту. А так детям нечего было кушать и вот мы сидели в здании, ждали, когда придут родители. Часовые стояли по углам, на вышках, и когда летом жарко, они, видимо, засыпали, и мне доводилось перелезать через колючую проволоку с другой стороны лагеря, и я попадал на мельницу. На мельнице там со стен смахивал пыль мучную в мешочек такой и потом мама кипятком разводила эту муку, и мы вот хлебали эту муку.

— *Расскажите, пожалуйста, как Вы освободились?*

— В 1944 году мы уже, естественно, никаких известий не получали, ничего не было слышно о том, где война, как идёт, что там, мы не знали. У нас ни радио не было, ничего. Мы были в неведении. В 1944 году в конце июня наши войска освободили наш лагерь, и мы решили ехать на Родину. Но на Родину мы приехали и увидели, что всю деревню сожгли. Сожгли её немцы, когда нападали на нашу деревню, мы убегали часто к партизанам в соседнюю деревню, зимой и летом бежали, несколько раз зимой. Мои двоюродные братья и сестричка босиком по снегу бежали в деревню соседнюю. Поэтому вернулись обратно в Белоруссию. Я попал в детский дом. Находился там два года.

— *Расскажите, пожалуйста, о вашей жизни после войны.*

— Потом война закончилась. Папа у меня погиб под Ленинградом в 1942 году. Мама с сестричкой работали в Белоруссии в совхозе. А я учился в Гродненском техникуме, закончил железнодорожный, потом отслужил в армии, здесь в Петрозаводске, три года. После армии поступил в Харьковский институт железнодорожный, отработал три года в Закарпатье, а потом приехал в Карелию и с 1966 года я нахожусь в Карелии. Работал в отделении дороги, работал начальником депо, начальником восстановительного поезда и вышел на пенсию, здесь в Петрозаводске так и остался.

— *И последний вопрос, что бы Вы хотели сказать или пожелать нынешнему поколению?*

— Я думаю, что нужно пожелать, чтобы такого не было, как мы испытали, чтобы такого не было в их жизни. А главное – от них зависит, как свою жизнь построят, как сделают, такая и будет их жизнь, счастливая, не то что наша была, бедная, трудная, тяжёлая жизнь.



Interview mit Dmitrij Timofeewitsch Gaponow

*Das folgende Interview fand statt im Oktober 2020.
Es wurde geführt von Olga Sintschuck und Polina Titova.
Sie studieren am Institut für Fremdsprachen an der
Petrosawodsker Staatlichen Universität*

Wo haben Sie ursprünglich bei Ihren Eltern gelebt?

Ich komme aus der Region Brjansk. Unser Dorf wurde «Re-
volution» genannt. Es war ein kleines Dorf, 40 Kilometer von
Brjansk entfernt. Wir hatten viele Partisanengruppen.

Wie kam es, dass Sie Ihr Dorf verlassen mussten?

Die Deutschen haben die Hälfte unseres Dorfes in Brand
gesteckt, damit die Partisanen die Bevölkerung nicht mit Le-
bensmitteln versorgen konnten. Wir flohen in ein großes Büro,
und dann flog an einem der Sommertage 1943 ein deutsches
Flugzeug ein, bombardierte dieses Büro und mehrere Partisa-
nen wurden verletzt. Danach gingen wir in ein anderes Dorf,
das sieben Kilometer entfernt lag. Wir dachten, es wäre dort
ruhiger, aber um das Jahr 1943 wurde auch dieses Dorf von
den Deutschen umzingelt.

Alle waren auf dem Dorfplatz versammelt. Die Deutschen
sagten, sie würden uns alle nach Deutschland zur Arbeit brin-
gen. Wer zum Bahnhof laufen konnte, musste 18 Kilometer
laufen. Im Mai war der Schlamm knöcheltief, es gab damals
keine Straßen. Die Deutschen sagten, sie würden uns zum
Bahnhof bringen und dort bleiben.

In unserer Familie gab es außer mir zwei Schwestern mit
Namen Tinja und Sina und einen Bruder mit Namen Mischa.
Tonya war die älteste. Unser jüngerer Bruder Mischa war
krank, anscheinend hatte er etwas an den Nieren. Er bat die

ganze Zeit um Salz, aber es gab nirgendwo Salz. Während des Krieges war es unmöglich, Salz zu bekommen. Er aber konnte nicht laufen.

Unsere Mutter beschloss deshalb, in diesem Dorf zu bleiben. Sie wollte (mit dem kranken Mischa) dort bleiben. Sie hatte drei Schwestern und sie überredeten unsere Mutter, doch zu gehen. Sie wollten helfen, Mischa zum Bahnhof zu tragen. Wir gingen alle zusammen neun Kilometer, dann verließen Mutters Schwestern uns, um die Nacht in einer großen Scheune zu verbringen. In dieser Nacht starb mein Bruder.

Als wir damals das Dorf verließen, aus dem wir vertrieben wurden, sahen wir ein großes Feuer. 2016 besuchte ich zum ersten Mal nach dem Krieg meine Heimat. Dort, wo unser Dorf damals gestanden hatte, ist jetzt ein Wald. In der Nähe errichteten die Gefangenen einen Obelisken, auf dem steht, dass in diesem Dorf 85 Menschen lebendig verbrannt sind, die das Dorf damals nicht verlassen hatten, sondern geblieben sind.

Dann wurden wir zum Bahnhof gebracht und in Güterwagen verladen, um nach Deutschland gebracht zu werden. Aber dann fuhren wir doch nicht nach Deutschland, weil mehrere Leute an Typhus erkrankt waren und die Deutschen große Angst vor Typhus hatten. Deshalb haben sie uns nicht nach Deutschland, sondern in ein Lager nach Polentransportiert.

Erzählen Sie uns bitte Ihre Erinnerungen an das Lager

Nun, ich denke, die Lager waren vorher gebaut worden. Es gab Stacheldraht, die Baracken, in denen wir untergebracht wurden, waren leer. Ich erinnerte mich sehr gut, dass wir in diesem Lager nichts zu essen bekamen. Sie gaben uns auch nichts zu trinken. Außerhalb des Stacheldrahts standen die Deutschen und warfen Cracker auf unser Gelände. Natürlich waren wir hungrig. Ohne Rücksicht auf groß und klein haben sich alle auf diese Kekse gestürzt und um sie gekämpft. Und jeder, der einen Keks zu packen bekommen hat, war glücklich.

Die Deutschen haben Fotos von all dem gemacht und über all das gelacht. Sie sagten: «Das sind die Russen. Sie sind hungrig». Sie fanden es ein interessantes Schauspiel.

Wir waren fast zwei Jahre in diesem Lager. Die Erwachsenen wurden jeden Morgen zur Arbeit gefahren. Sie wurden bewacht von Schäferhunde und Deutschen mit Maschinengewehren. Sie brachten sie irgendwohin außerhalb des Lagers. Wir Kinder blieben im Lager.

Einmal kam eine Feldküche zu uns, da wurden wir gut ernährt und mit echtem Brei gefüttert. Ansonsten gab es heißes Wasser, Kartoffelabfälle, weiße Rübe, bereits verdorbene Karotten und ein Stück Brot. Die Menschen, die sich in Leninrad in der Blockade befanden, erhielten 125 Gramm Brot pro Tag, also bekamen auch wir 125 Gramm Brot zusammen mit dieser Suppe. Und das Brot war so schwer. Es war Sägemehl darin, es gab eine Verschwendung aller Arten von der weißen Rübe.

So saßen wir dort in diesem Lager. Natürlich durften die Kinder nirgendwo über den Stacheldraht gehen. Besonders die SS-Männer in schwarzen Uniformen waren sehr grausam. Wenn sie sahen, dass wir Kinder uns dem Draht näherten, setzen sie den Schäferhund auf uns an, sodass wir zurück zum Lager rannten und uns in den Baracken versteckten. Einmal kamen mehrere Kinder zu Tode, als wir durch den Stacheldraht davonzulaufen versuchten. Ein Junge wurde zu Tode gerissen, die anderen wurden von dem Schäferhund gebissen, den der Offizier auf uns hetzte.

Gegenüber von unserem Lager, hinter dem Stacheldraht, befand sich anscheinend ein Hauptquartier. Dort gab es eine Feldküche, in der deutsche Soldaten arbeiteten. Einer dieser Soldaten hat uns gut behandelt, wenn wir uns dem Draht näherten und er sah, dass die Offiziere nicht da waren. Dann haben wir für ihn Wasser geholt und Brennholz in die Küche ge-

bracht. Dafür bekamen wir ein Stück Brot oder Blumenkohl. Dort habe ich zum ersten Mal Blumenkohl gegessen, ich hatte vorher nie einen gesehen.

Normalerweise aber hatten wir Kinder nichts zu essen. Wir saßen in den Baracken und warteten darauf, dass die Eltern zurückkamen. Die Wachposten standen in den Ecken, auf den Türmen, und als es im Sommer heiß war, schliefen sie anscheinend ein. In einer solchen Situation bin ich einmal über den Stacheldraht geklettert, und ich kam zur Mühle. Dort in der Mühle habe ich Mehlstaub in einen Beutel wie diesen gebürstet, und dann hat meine Mutter dieses Mehl mit kochendem Wasser verdünnt, und wir haben diese Mehlsuppe geschlürft.

Können Sie uns bitte sagen, wie Sie befreit worden sind?

Es war schon im Jahr 1944. Wir wussten nicht, wo der Krieg war und wie er verlief. Wir hatten kein Radio, nichts. Wir waren ohne jede Information.

Ende Juni 1944 befreiten unsere Truppen unser Lager. Wir beschlossen zurück nach Hause zu gehen. Als wir in unsere Heimat kamen sahen wir, dass das ganze Dorf niedergebrannt war. Die Deutschen hatten es niedergebrannt als Strafe dafür, dass die Dorfbewohner damals bei den Angriffen oft zu den Partisanen ins Nachbardorf geflohen waren, meine Cousins und meine Schwester mehrmals sogar barfuß im Winter. Weil das Dorf niedergebrannt war, kehrten wir um und ließen uns in Weißrussland nieder. Ich bin in einem Waisenhaus gelandet. Dort war ich zwei Jahre.

Können Sie uns bitte etwas über Ihr Leben nach dem Krieg erzählen?

Dann endete der Krieg. Mein Vater war schon 1942 in der Nähe von Leningrad gestorben. Unsere Mutter und ihre Schwestern arbeiteten in Weißrussland auf einer staatlichen Farm. Und ich habe an der technischen Schule in Grodno studiert, die Ausbildung als Eisenbahner abgeschlossen und dann



drei Jahre lang in der Armee hier in Petrosawodsk gedient. Nach der Armee trat ich in das Charkow Railway Institut ein und arbeitete drei Jahre in Transkarpatien. Dann kam dann zurück nach Karelien. Seit 1966 bin ich in Karelien. Ich arbeitete in der Eisenbahnabteilung als Leiter des Depots, als Leiter des Bergungszuges. Dann zog mich zurück und blieb hier in Petrosawodsk.

Und die letzte Frage, was möchten Sie der aktuellen Generation sagen oder wünschen?

Ich denke, es ist notwendig zu wünschen, dass das, was wir erlebt haben, dass dies nicht in ihrem Leben stattfinden soll. Und vor allem hängt es von ihnen ab, wie sie ihr Leben gestalten und was sie daraus machen werden. Dies wird ihr Leben sein, ein glückliches Leben. Nicht so wie unser, armes, schwieriges und hartes Leben.

Интервью с Зинаидой Владимировной Заборской

*Беседу вели студенты
Института иностранных языков ПетрГУ Титова
Полина, Зинчук Ольга по телефону (октябрь, 2020 года)*

— *Где Вы жили с родителями изначально?*

— Я родилась в городе Верхнедвинск. Это пограничная территория Белоруссии и Латвии. Когда война началась, я была там со своими родителями. Эта территория полностью была отдана Белоруссии после того, как произошла Перестройка. Теперь это чисто белорусская территория. Там захоронены мои родители. Правда, получается так, что где-то приходится проходить черту Латвии, но поскольку у меня есть документ, я могу приезжать на могилу своих родителей.

— *Как произошло то, что Вас увезли?*

— Моя мама со своей подругой тетей Шурой Мицкявичюс, она латышка, как только началась война, как только стали образовываться партизанские отряды (а они в первую очередь появились как раз на территории Белоруссии) имели связь с подпольной партийно-комсомольской организацией. Эта организация играла большую роль, и мама с тетей Шурой и папина двоюродная сестра, тетя Маня, оказывали огромную помощь партизанам. Они помогли



*Фото из личного архива Е. А. Яковлевой.
Зинаида Владимировна – в центре*

солью, спичками, керосином — самый ходовой и самый необходимый товар. Доставали его, как могли, как умели. Но предатели ведь были всегда. Была молодая учительница, Лыкова Екатерина. Она как раз только закончила педагогический вуз и была отправлена в наше место в среднюю школу работать. И началась война. Екатерина тоже была по партийно-комсомольской подпольной линии. Через Катю мама с названными мною людьми оказывали помощь. Катя была как связная между нашими женщинами и партизанским отрядом. Папа мой был железнодорожником. Он всю жизнь отработал железнодорожником. Был железнодорожный дом и рядом был второй дом. И во втором доме жила женщина, Лакомская Анна. Она и предала. Она увидела, что Катя зашла домой к нам и тут же сообщила немцам. И мама не успела подать Кате ни спички, ни мыло, ничего. Мама только стала подходить к шкафу, чтобы что-то достать и увидела как мелькнули немецкие фуражки из окна. Мама сразу остановилась. Катю забрали. Ее расстреляли. Мама тоже должна была быть расстреляна. Я была невелика, а моя сестра на целых 5 лет младше, то есть сестре только 2 года было, а мне не было ещё 7 лет полных. Мама тоже была приговорена к расстрелу. Но благодаря тому, что на нашей станции были не немцы, а австрийцы, они все-таки были люди более, так сказать, человечные. И маму не расстреляли. Просто поставили солдата к нам. Нельзя было никуда выйти, стояли почти круглосуточно. Часовой стоял, конечно, с автоматом, с собакой. Не могу сказать, как долго это было, знаю, что было лето. Потом в один из таких дней, это был августовский день, я не знаю число, дату, это было вечером, довольно поздно вечером, всех, в том числе тетю Шуру и маму, всю нашу семью, всю семью тети Шуры – в вагоны, скотники без крыш, как корбки. Нас туда загнали, заперли всех с детьми. У тети

Шуры двое детей было — мальчик и девочка. И нас уволокли в Германию. Благодаря австрийским солдатам мама и мы все остались живы.

— *Когда Вы туда попали, Вам оказывали какую-нибудь медицинскую помощь?*

— Нас довели до Австрии, в Австрии сразу разделили. Выгнали всех с вагонов, сразу загнали мыться, убираться, кого-то подстригали, сразу сделали отбор. Всех выстроили, раздели всех. Прошли дезинфекцию, так называемую, и отбор национальностей. Женщин выстроили с детьми, мужчин — не знаю где, их сразу изолировали, сразу разлучили с женщинами. А женщин с детками выстроили в ряд. И я хорошо помню, как проводился этот отбор по национальностям. Они уничтожали евреев, молдаван, цыган, татар. Я была ребенком, ничего не могла понять. Стоят женщины, мама держит мою сестричку на руках, второй рукой держит меня. И другие женщины с детками, и все плачут. А немцы с овчарками, с автоматами проходят шеренгу и отделяют, кричат «гаус». Выбирают и отгоняют отдельно людей. Но я-то не знала, что это такое. А потом, когда я стала взрослой, и когда я уже стала, можно сказать, бабушкой, я у мамы спросила: «Мама, а что это было?». Она говорит: «Это отделяли». То есть сразу загоняли этих отобранных людей, евреев и всех остальных, и они сразу проходили в газовую камеру, где они сразу получали сильную дозу отравления, удушья. И тут же, в этой же Австрии, в этом же месте были печи, где сжигали людей. Их стригли наголо. Почему в нашем музее есть вот эта фотография отдельная, обратите внимание, голые головы, безволосые, что называется. Они подстригали, у кого зубы золотые — выдёргивали зубы и сразу на сжигание. Вот такой был отбор. А нас отправили дальше. Никто нас не кормил, что-то там кидали, сейчас я уже не могу вспомнить. А по-



мощи нам никакой никто не давал. А потом, когда уже попали в Корнвестхайм, это пригород города Штутгарта, то территория этого Корнвестхайма была в сплошных бараках. В этих бараках были военнопленные, евреи, разные национальности: югославы, чехи, поляки и прочие. Мужчины отдельно, женщины отдельно. И нас детей сразу отделили. И мы, конечно, находились отдельно от родителей, на расстоянии. Детей всех национальностей — в одну кучу, в одну группу. Где-то было мне уже к 7 годам, я сидела в комнате, и не одна я, а такие же детки, как я, в том числе моя сестричка, которая совсем ничего не помнит, маленькая. И нас усаживали за столами, и огромный перед нами, здоровенный портрет Гитлера был, так что я воспитывалась под портретом Гитлера. Приходили немцы к нам, у которых детей не было и брали некоторых деток, выбирали для онемечивания. Они их, конечно, усыновляли, удочеряли, который им понравился ребёнок. А остальных, понятно, держали там. Кормили нас, конечно, на «ура», вот уж наелась травы я. Баланда из порченной картошки. Недавно вспоминали с сестрой. Какое может быть пюре с подгнившей картошки? Никто нам ничего не посылал. Вот иностранцам детям, которые там были, им шел красный крест. А нам ведь не разрешали. Мы же были предатели. Мы потерпели не только при немцах, когда немцы нас оккупировали, мы еще претерпели тяжелейший период нашей жизни, и детства, и молодости и в советский период, потому что мы были людьми всегда второго сорта, мы и сейчас, по-моему, остались.

— *Пожалуйста, расскажите, как Вы освободились?*

— Поскольку это была восточная Германия, поэтому эта территория освобождалась американцами. И нас освободили американцы. И чисто случайно мама нас нашла. Шла страшная бомбежка, такая бомбежка, что содрогалась

вся земля, стонала земля, сверкала, как пчелы в небе гудели самолеты. Был сильный гул. И качало воздух от взрывов бомб, бомбы-то падали, американцы бомбят без разборов. А нас выгнали из лагеря и сказали немедленно убраться, чтоб ни одного не было. Кто появится здесь, будут расстреливать. И я взяла свою сестричку за ручонку, и мы бежали, глупенькие же, поскольку у нас папа железнодорожник, и наше понятие было «значит на железной дороге, на станции будет хорошо». И я конечно сестричку за руку и бегу на станцию. А там неизвестно какая бомбежка. Бежит немец, конечно железнодорожник, и кричит «weg, weg, raus». Показывает обеими руками: «не смейте ходить». И мы забежали в убежище. Я увидела, что бегут — бегут все. Там уже не разбирали никто, кто ты — русский, белорусский, цыган или кто. И я туда с сестричкой. Там глубоко, старых людей они сажали на пол, как горка была, и эти старухи туда опускались. И мы опустили тоже туда, по лесенке опустились и зашли. А что у нас с собой? У нас маленький такой наподобие кастрюльки с ручкой, вроде ведерочка, и там кусок хлеба был, и то ли пюре какое-то было. Ну, нас выгнали с той территории, и чтобы совсем мы не умерли, чего-то какую-то кашу или чего-то дали. И мы зашли, сели и сидим. А нас обвиняют. Немки со своими детками все по-немецки говорят «Свиньи, свиньи, русские свиньи». И я поняла, что тут что-то не так. Дети есть дети. Один мальчик подошёл к моей сестричке и на колёсиках, как сейчас даже помню, на колёсиках таких коровка чёрно-белая, такая рябенькая коровка. Он даёт её ей. Мать подбегает, хватает из Аниных рук вот эту игрушку-коровку, своего сына хватает, дернула за руку. И что-то: «russisch, Schwein». И так далее и тому подобное. И я, невзирая на свой маленький еще возраст, я поняла, мы здесь изгой, нас здесь не любят. Я сестричку свою за руку и ото-



шла в сторонку подальше от этой кучи негодяев. Села и сижу. И что вы думаете? Совершенно случайно с другой стороны был вход бомбоубежища советских людей, которых они угоняли в Германию. Был отдельный вход для женщин, мужской был совершенно отдельно. И вдруг, до мамы доходит слух, что кто-то говорит: «Вы знаете, а в немецкой территории сидят две русские девочки». А знаете, молва, как волна. Мама говорит: «У меня так ёкнуло сердце, думаю, Господи, а вдруг это мои?» И опять это повторяют, они-то разных национальностей и чехи, и поляки, и югославы. Их речь такая, что где-то что-то можно и понять было. И мама побежала. Она прибежала на эту территорию, и мама нас нашла. Мама нас нашла! Страшная была бомбёжка. И потом в это же убежище попала бомба. И получилось так, что мама-то оказалась с нами, а меня взрывной волной отбросило. Бомба недалеко упала. Бомбоубежище немцы строили, как и обычно строят эти блиндажи, как называли их. Они зигзагообразные, чтобы взрывная волна в случае чего никого не убила. А вот меня взрывной волной-то сильно ушибло, и я перевернулась и схватилась ручонками за скамейку длинную. И я в испуге, меня сильно колонуло этим воздухом, я потеряла сознание. Я зацепилась. Знаете, когда человек, хоть взрослый, хоть ребенок, в испуге, в таком страхе, у него как судорожное такое состояние, и меня еле оторвали от этой скамейки, потому что надо было меня поднять как-то. Ну, подняли, конечно, мама плакала. Все собрались, и поляки, и югославы, и чехи и все прочие, и все плакали, все смотрели. У них-то было чего-то, у кого-то была шоколадка, у кого-то галеты, им помогали, а нам кто помогал? Никто. Мы, как собаки были.

И потом, когда мы вышли, нас американцы подобрали, скажу прямо, как было на самом деле. Они нас собрали, отмыли, отчистили, Людвигсбург — это был городок для

высшего концостава немецкого, типа санатория или профилактория точнее. И нас туда поместили, и американцы нас держали целый месяц, откармливали нас, деток, ну и мама была, но все равно нас не разделяли, тут мы были с мамой. Мама плакала, она потом рассказывала, что думала, что когда попала в бомбоубежище бомба, папа погиб, потому что там где-то упала бомба, как раз где-то в том районе. Вы знаете, ведь большим чудом, папа нас нашел. Но после вот этих бомбежек, не только последней, как я сказала, а вообще до этого, многие, даже разведка американская, они не знали, что тут целый городок вот этих барачников концлагерных, что это настоящий концлагерь. Он и есть, у меня же документы с Германии пришли. Конечно, нас отмыли, отчистили, откормили, берегли нас, а потом отправили. А когда нас отправили, мы еще получили не одну порцию голода и не одну порцию нечеловеческого отношения. Когда мы перешли Советскую территорию, на нас смотрели, как на предателей. Нам ни один солдат не дал ни сухарик, ни кусочек сахарка. Вот я другой раз смотрю по телевидению, как показывают в кинофильмах, как освобождают концлагерь, как обнимаются. Ничего подобного этого не было. Это голое враньё. Мы были всегда врагами. И остались. И даже когда я пошла в школу в первый класс, я помню, как директор школы, у нас средняя школа была. Когда директор школы объявил выйти со строя тех, кто был в Германии. Ну а мы что, дети, глупые. Как собачки побитые выходили с опущенной головой, мы же никто. Я трижды поступала в вуз, трижды меня не зачисляли, из-за того, что были угнаны в Германию.

— *А как вы попали в Петрозаводск?*

— В Петрозаводске я не училась. А как я попала — я вышла замуж за офицера морского, он был на 4 года меня старше. У него высшее военное мореходное закончено.



Я вышла замуж, жила в Прибалтике, в Литве, а потом там сокращали с министерства при Хрущеве, и таким образом моему мужу было предоставлено три места распределения как военному: Калининград, Владивосток и Карелия, Петрозаводск. И когда пришел муж, я сказала, что во Владивосток — никогда. Он говорит «Калининград». В Калининграде прописку тогда не разрешали, в те годы не отстраивался город, он только недавно стал отстраиваться. И мужа-то прописывали, принимали, а семью — ни в какую. И поэтому муж потом обратился опять в министерство, как положено, и ему дали распределение в Петрозаводск. И муж был направлен на завод «Авангард», завод судостроительный, судоремонтный. В 28 лет у моего мужа обнаружили высокое давление. Его направляли на испытание атомной подводной лодкой и его комиссовали уже с армии. И, таким образом, мы остались навсегда в Карелии, в Петрозаводске. За что я очень счастлива и благодарю и помню своего мужа, спасибо, что он привез в хорошее место среди хороших людей.

— *И последний вопрос, Вы сказали, что вы в Петрозаводске не учились, а могли бы вы сказать, где Вы обучались?*

— В Вильнюсском. У меня последний курс, в связи с перевозкой, с переездом, так получилось, что мне пришлось оттуда уйти, а в Петрозаводске педагогический вуз был только 3-й категории, по категориям было высшее образование. А Вильнюсский — это был первой категории вуз. Но ничего, я потом закончила, заочно, но закончила все. В пед. институте я отработала 21 год. Потом ушла. Надо было пенсию заработать.

Interview mit Sinaida Wladimirowna Zaborskaja

*Das Interview fand im Oktober 2020 statt.
Es wurde telefonisch geführt von Polina Titowa
und Olga Zinchuk. Sie sind Studentinnen
des Instituts für Fremdsprachen an der
Petrosawodsker Staatlichen Universität*

Wo haben Sie ursprünglich bei Ihren Eltern gelebt?

Ich wurde in der Stadt Werhnedwinsk geboren. Sie lag im Grenzgebiet zwischen Weißrussland und Lettland. Als der Krieg begann, lebte ich dort mit meinen Eltern. Dieses Gebiet wurde nach Perestroika vollständig an Weißrussland übergeben. Meine Eltern sind dort begraben. Da ich entsprechende Dokumente habe, kann ich das Grab meiner Eltern besuchen.

Wie kam es, dass Sie damals Ihre Heimat verlassen mussten?

Meine Mutter hatte eine Freundin, Tante Schura Mitskjawitschus. Sie ist Lettin. Die beiden hatten zu Beginn des Krieges, als sich in Weißrussland Partisanengruppen zu bilden begannen, eine Verbindung zur Komsomol, der Jugendorganisation der Kommunistischen Partei, die im Untergrund arbeitete. Diese Organisation spielte eine große Rolle. Meine Mutter, Tante Schura und auch die Cousine meines Vaters, Tante Manja, leisteten den Partisanen enorme Hilfe. Sie versorgten sie mit den beliebtesten und notwendigsten Gütern wie zum Beispiel mit Salz, Streichhölzern und Kerosin. Aber es hat immer Verräter gegeben.

Bei uns gab es eine junge Lehrerin, Ekaterina Likowa. Sie hatte gerade eine pädagogische Universität abgeschlossen und war zu uns geschickt worden, um an einer weiterführenden Schule zu unterrichten. Dann begann der Krieg. Ekaterina war

Mitglied der Untergrundorganisation. Durch Katja haben meine Mutter und die anderen von mir genannten Personen den Partisanen Hilfe geleistet. Katja war wie eine Verbindung zwischen unseren Frauen und der Partisanenabteilung.

Mein Vater war Eisenbahnarbeiter. Er arbeitete sein ganzes Leben als Eisenbahnarbeiter. Wir wohnten in einem Eisenbahnhaus. Ein zweites Haus stand in der Nähe. Darin lebte eine Frau, Anna Lakomskaja. Sie hat uns verraten. Als sie sah, dass Katja zu uns nach Hause kam, informierte sofort die Deutschen. Mama kam gar nicht mehr dazu, Katja Streichhölzer zu geben, keine Seife, nichts. Mama näherte sich gerade dem Schrank, um diese Dinge zu holen. Da sah sie, wie deutsche Mützen vor dem Fenster auftauchten. Mama blieb sofort stehen. Katja wurde weggebracht. Sie wurde erschossen. Mama sollte auch erschossen werden.

Ich war noch klein. Meine Schwester war 5 Jahre jünger. Das heißt, meine Schwester war erst 2 Jahre alt und ich war noch keine 7 Jahre alt. Mutter wurde ebenfalls zum Tode verurteilt. Aber aufgrund der Tatsache, dass nicht Deutsche an unserem Ort stationiert waren, sondern Österreicher, verhielten sie sich sozusagen immer noch mehr als Menschen. Deshalb wurde Mama nicht erschossen. Ein Soldat hat uns stattdessen rundum die Uhr bewacht. Es war unmöglich, irgendwohin zu gehen. Der Wachposten war natürlich mit einer Maschinenpistole bewaffnet und hatte einen Hund. Ich kann nicht sagen, wie lange diese Bewachung angedauert hat. Ich weiß, es war im Sommer.

Dann kam dieser eine Tag. War es ein Augusttag? Ich kenne das Datum nicht. Es war am Abend, ziemlich spät am Abend. Alle, einschließlich Tante Schura und Mutter, unsere ganze Familie, die ganze Familie von Tante Schura wurden weggebracht. Sie fuhren uns fort und sperrten uns alle mit samt den Kindern ein. Tante Schura hatte zwei Kinder — einen Jungen und ein Mädchen. Wir sollten nach Deutschland

transportiert werden. Dank der österreichischen Soldaten haben meine Mutter und wir alle überlebt.

Als ihr dort ankommt, habt ihr medizinische Hilfe erhalten?

Wir wurden nicht nach Deutschland, sondern nach Österreich gebracht. Dort haben sie uns sofort sortiert. Sie warfen alle aus den Autos. Wir wurden zum Waschen, Reinigen, Desinfizieren und Haareschneiden gebracht.

Und dann trafen sie sofort eine Auswahl. Alle standen in einer Reihe. Alle waren ausgezogen. Sortiert wurde nach Nationalitäten. Die Frauen standen mit den Kindern in einer Reihe. Wo die Männer waren, weiß ich nicht. Sie waren sofort von den Frauen getrennt worden. Ich erinnere mich gut daran, wie diese Auswahl nach Nationalität durchgeführt wurde. Sie haben Juden, Moldauer, Zigeuner und Tataren ausgerottet. Ich war ein Kind. Ich konnte nicht verstehen, was vor sich ging.

Die Frauen standen da. Meine Mutter hielt meine Schwester in ihren Armen, mit der anderen Hand hielt sie mich. Viele Frauen mit ihren Kindern waren da und alle weinen. Und die Deutschen patrouillierten mit ihren Schäferhunden und Maschinengewehren. Sie riefen «raus». Personen werden einzeln herausgerufen und weggeschafft.

Ich habe das nicht verstanden. Später, als ich erwachsen und sogar schon selbst Großmutter war, habe ich meine Mutter gefragt: «Mama, was war das damals?» Sie sagte: «Es wurde selektiert». Das bedeutet, dass die ausgewählten Leute, Juden und alle anderen, sofort in die Gaskammer kamen, wo sie eine starke Dosis verabreicht bekamen, an der sie erstickten. Und genau dort, im selben Österreich, am selben Ort, gab es diese Öfen, in denen Menschen verbrannt wurden. Ihnen wurden die Haare abgeschnitten. Warum haben wir dieses Foto im Museum? Bitte beachten Sie, nackte Köpfe, haarlos, wie sie sagen. Wer goldene Zähne hatte, bekam sie herausgeschnitten. Dann wurden sie verbrannt. So war die Auswahl.

Wir blieben am Leben und wurden weitergeschickt. Niemand gab uns zu essen. Sie haben etwas dorthin geworfen, aber ich kann mich jetzt nicht mehr genau daran erinnern. Niemand hat uns geholfen. Wir wurden nach Kornwestheim gebracht. Das ist ein Vorort von Stuttgart. Dort befand sich ein Lager mit Kriegsgefangene und Juden verschiedener Nationalitäten: Jugoslawen, Tschechen, Polen und andere. Männer und Frauen waren getrennt. Und auch wir Kinder wurden von unseren Eltern getrennt.

So lebten dort Kinder aller Nationalitäten auf einem Hofen, in einer Gruppe. Einmal, als ich bereits sieben Jahre alt war, saß ich in einem Raum. Ich war nicht allein. Andere Kinder waren bei mir, auch meine kleine Schwester, die sich an nichts erinnert. Wir saßen an Tischen, und vor uns lag ein riesiges Porträt von Hitler. Auf diese Weise wurde ich unter einem Porträt von Hitler erzogen.

Dann kamen Deutsche zu uns, die keine Kinder hatten, und wählten einige von uns für ihre Germanisierung aus. Kinder, die sie mochten, wurden adoptiert. Der Rest wurde natürlich dort gelassen. Wenn wir nichts zu essen bekamen, aß ich Gras. Kürzlich habe ich mir mit meiner Schwester zusammen die Brei von den verdorbenen Kartoffeln' in Erinnerung gerufen. Niemand hat uns versorgt. Wir galten als Verräter.

Wir haben nicht nur unter den Deutschen gelitten, als die Deutschen unser Land besetzten, wir haben auch die schwerste Zeit unseres Lebens durchgemacht, sowohl in der Kindheit als auch in der Jugend, und auch in der Sowjetzeit, weil wir immer zweitklassige Menschen waren und bis jetzt, meiner Meinung nach, geblieben sind.

Können Sie uns bitte sagen, wie Sie befreit worden sind?

Das Gebiet, in dem wir lebten, wurde von den Amerikanern befreit. Und meine Mutter hat uns rein zufällig wiedergefunden.

Zunächst gab es eine schreckliche Bombardierung, eine solche Bombardierung, dass die ganze Erde zitterte. Die Erde stöhnte, und wie Bienen am Himmel, so funkelten und summten die Flugzeuge. Und die Luft wurde erschüttert von den Explosionen der Bomben, die fielen. Die Amerikaner bombardierten wahllos. Wir wurden von den Deutschen aufgefordert, das Lager sofort zu verlassen, damit es so aussähe, als gäbe es keins. Wer nicht folgte, wurde erschossen. Ich nahm meine Schwester bei der Hand, und wir rannten, dumm wie wir waren, zum Bahnhof, weil unser Vater Eisenbahnarbeiter ist und unser Konzept lautete: «Am Bahnhof wird es gut sein». Niemand kann sich diese Art von Bombenangriffen vorstellen.

Ein deutscher Eisenbahner schrie: «Weg, weg, raus!» Er fuchtelte mit beiden Händen, um zu sagen: «Wagt es nicht, in den Bahnhof zu gehen!» Daraufhin rannten wir ins Tierheim. Ich sah, dass alle rannten, Russen, Weißrussen, Zigeuner. Ich kann es nicht mehr sagen, wer alles. Auch ich lief mit meiner Schwester dorthin. Dort, im Tierheim, landeten wir mit vielen anderen im Luftschutzkeller. Wir gingen hinein. Dort wurden wir beschuldigt. Deutsche Frauen, die dort ebenfalls mit ihren Kindern waren, sagten auf Deutsch: «Schweine, Schweine, russische Schweine». In diesem Moment wurde mir klar, dass etwas nicht stimmte. Kinder sind Kinder.

Ein Junge näherte sich meiner Schwester mit einem Spielzeug, einem schwarz-weißen Marienkäfer auf Rädern, so einem gesprenkelten Marienkäfer. Er gab ihr das Spielzeug. Die Mutter des Jungen rannte los, nahm das Spielzeug aus Anjas Händen, packte ihren Sohn und zog ihn weg. «Russisches Schwein» rief sie noch. Und so weiter und so fort. Und trotz meines geringen Alters wurde mir klar, dass wir hier Ausgestoßene waren. Sie mochten uns hier nicht. Ich nahm die Hand meiner Schwester und trat von dem Haufen dieser Bösewichte zurück. Ich setzte mich und wartete ab.

Und was denkst du? In der Nähe befand sich ganz zufällig der Eingang zu einem Luftschutzbunker, in dem meine Mutter saß. Und plötzlich erreichte ein Gerücht meine Mutter. Jemand sagte: «Weißt du, es gibt zwei russische Mädchen auf deutschem Gebiet da drüben». Mama erzählte später: «Mein Herz setzte einen Schlag aus, ich dachte, Herr, was ist, wenn es meine Kinder sind?» Und wie eine Welle wiederholte sich das Gerücht. Obwohl Tschechen, Polen und Jugoslawen alle eine verschiedene Sprache sprachen, war ihre Rede so, dass man irgend etwas verstehen konnte. Und so rannte meine Mutter los. Sie rannte in das Gebiet, wo wir waren und fand uns. Mama hat uns gefunden! Trotz der schrecklichen Bombardierung. Und dann traf eine Bombe unseren Unterschlupf. Und so kam es, dass meine Mutter schon bei uns war, als ich von der Druckwelle weggeschleudert wurde.

Der Luftschutzbunker war im Zickzack gebaut, damit die Druckwelle niemanden tötet, wenn etwas passiert. Aber die Druckwelle tat mir sehr weh, und ich drehte mich um und packte die lange Bank mit meinen kleinen Händen. Ich hatte große Angst und verlor das Bewusstsein. Weißt du, wenn eine Person, sogar ein Erwachsener, sogar ein Kind, Angst hat, hat es in solch einer Angst einen so krampfhaften Zustand. Sie haben mich kaum von dieser Bank wegziehen können. Natürlich hat meine Mutter geweint. Alle versammelten sich, Polen, Jugoslawen, Tschechen und alle anderen, und alle weinten, alle schauten. Um uns herum wurden Schokolade und Kekse ausgeteilt. Aber wer hat uns geholfen? Keiner. Wir waren wie Hunde.

Schließlich haben uns die Amerikaner abgeholt. Ich werde Ihnen schildern, wie es in Wirklichkeit war. Sie holten uns ab, wuschen uns und säuberten uns. Sie brachten uns nach Ludwigsburg und gaben uns zu essen. Endlich waren wir bei unserer Mutter. Mama weinte. Als die Bombe den Luftschutzbun-

ker traf, hatte sie befürchtet, dass Papa getötet worden sei. So hat sie es mir später erzählt. Aber wissen Sie, durch ein großes Wunder hat Papa uns gefunden.

Nach diesen Bombenanschlägen war allen klar, was vorher nicht einmal der amerikanische Geheimdienst gewusst hatte, dass dies ein echtes Konzentrationslager gewesen war. So war es. Aber meine Dokumente kamen aus Deutschland. Nachdem wir endlich wieder zuhause waren, hörten der Hunger und die unmenschliche Behandlung nicht auf. Als wir sowjetisches Territorium durchquerten, betrachtete man uns als Verräter. Kein einziger Soldat gab uns einen Crouton oder ein Stück Zucker. Später sah ich im Fernsehen und in Filmen, wie Konzentrationslager befreit wurden. Alle haben sich umarmt. Bei und gab es nichts dergleichen. Wer das behauptet, lügt. Wir waren schon immer Feinde und sind es geblieben. Als ich endlich in die Schule in die erste Klasse kam, erinnere ich mich, dass der Schulleiter bekannt gab, wer in Deutschland gewesen sei, solle wieder verschwinden. Wie geschlagene Hunde kamen wir mit gesenktem Kopf wieder heraus. Wir waren aber nur Kinder, unwissende Kinder. Wir sind niemand. Ich habe dreimal versucht an der Universität zu studieren, dreimal wurde ich nicht eingeschrieben, weil ich nach Deutschland entführt worden war.

Wie sind Sie nach Petrosawodsk gekommen?

Ich heiratete einen Marineoffizier. Er war vier Jahre älter als ich. Er vollendete seine höhere militärische Laufbahn. Nach unserer Hochzeit haben wir im Baltikum in Litauen gelebt. Nachdem er sich beruflich veränderte, kamen wir nach Petrosawodsk. Dort arbeitete mein Mann im Awangard-Werk, einem Schiffbau- und Schiffsreparaturwerk. Dort bekam er den Auftrag, am Test eines Atom-U-Bootes mitzuarbeiten. Zu der Zeit war er schon nicht mehr in der Armee. Im Alter von 28 Jahren wurde bei ihm Bluthochdruck diagnostiziert. Wir

blieben für immer in Karelien, in Petrosawodsk. Ich bin sehr froh und dankbar, dass wir hier an einen guten Ort unter guten Menschen leben konnten.

Und die letzte Frage, Sie sagten, dass Sie nicht in Petrosawodsk studiert haben, aber können Sie uns sagen, wo Sie studiert haben?

In Vilnius. Leider musste ich von dort im Zusammenhang mit unserem Umzug weg. In Petrosawodsk gehörte die pädagogische Universität nur der dritten Kategorie an, in Vilnius dagegen der ersten. Trotzdem habe ich alles beendet und meinen Abschluss in Vilnius in Abwesenheit gemacht. Aber das macht nichts, ich beendete dann alles fern, aber ich habe das geschafft. An dem pädagogischen Institut habe ich 21 Jahre gearbeitet. Dann ging ich in der Rente. Ich musste ja die Rente verdienen.

Микхиева Валентина Семёновна

*Воспоминания опубликованы
в газете «Инернет-журнал Лицей»:
<https://gazeta-licey.ru/public/87646-deti-voynyi-valentina-viktorova-iz-derevni-uzhovo>*

Валентина Микхиева (Викторова) родилась в 1941 году в деревне Ужово на Псковщине. С 1970 по 1991 год работала в Институте биологии Карельского научного центра РАН. Кандидат биологических наук. Живёт в Петрозаводске.

Отца призвали на второй день войны, мама его проводила до железнодорожной станции. А на пятый день родилась я. Когда мама родила, папа сумел отпроситься, чтобы попрощаться, но им не позволили даже обнять друг друга — санитария! Хотя на следующий день Гдов уже бомбили, и роженицы с детьми на руках бежали к лесу, благо он был недалеко. Мама всю жизнь печалилась, что не смогла обнять мужа, как оказалось, в последний раз.

Жили мы на Псковщине. Деревня Ужово стоит на реке Плюссе, недалеко от Гдова, что на Чудском озере. Места очень живописные, песчаные берега, дубы... Немцы к нам пришли через две недели.



*Фото из личного архива
Валентины Микхиевой*

Мамина мама жила с другой стороны Гдова, в 10 километрах, в деревне Луги. В конце 1943 года, 1 декабря, мама со мной отправилась к ней. И тут облава: нас на машину и на железнодорожную станцию Добручи. Повезли нас в Германию. Санобработку мы проходили в Дахау, а потом молодых женщин, а маме тогда 25 лет было, с детьми и без отправили в дочерний рабочий лагерь в городке Гюнцбург (Günzburg).

Конечно, почти все воспоминания — мамины. Тогда мне было два с половиной года, я уже давно ходила сама и говорила. Но в лагере я перестала делать и то и другое. В этом женском отделении я была самым маленьким ребенком. Взрослым давали 200 граммов хлеба в сутки, детям — 100 граммов. Мама мне отдавала свою порцию.

Мое воспоминание: я на полу сижу на какой-то подстилке и вижу алюминиевую кружку с чем-то сладковатым, как помню, и сверху кусок хлеба лежит — мамина порция, надо полагать. Мама рассказывала, что она уходила на целый день и просила меня не есть все сразу, я кивала головой, соглашаясь. Потом дети ей говорили, что я привставала, все сразу съела и ложилась снова.

Мама вспоминала, как они делили хлеб. Выдавали буханками, а женщины резали эти буханки, отмеряя куски спичечным коробком. Затем, как в детской игре, одна женщина поворачивалась спиной и у неё спрашивали о каждом кусочке: «Это кому? А это кому?». Если какой-то кусочек чуть больше, то это случайный выбор. И не было обид.

Я выжила только потому, что меня жалела и подкармливала немка, которая надзирала за детьми. Поскольку дед у меня эстонец, я была беленькой девочкой. А у нее не было детей, и она даже настойчиво просила у мамы отдать меня ей. Мол, войну вы все равно проиграли.

Мама работала сварщицей на заводе, где изготавливали мессершмитты, номер ее пропуска был 66558 — на всю жизнь запомнила. И когда начались бомбежки союзников, помещение, в котором находились женщины с детьми, немцы перенесли под крышу, над цехами, где изготавливали снаряды — дескать, бомбите!

Еще мама вспоминала, что в бане женщины мылись вместе с мужчинами. Ребёнка надо вымыть, самой помыться, а рядом всякое, вплоть до предложений отдаться за мыло.

В апреле 1945 года нас освободили американцы. Но сначала нас спасли партизаны. Так мама говорила, а я думаю, это были отряды Сопrotивления. Фашисты, отступая, заминировали и завод, и бараки с людьми. Вот Сопrotивление нас и спасло, разминировав. Помню, что мы дети, сидим на низком крыльце, и перед нами идут, красиво маршируя, ноги в ботинках с высокой шнуровкой — завораживающее зрелище!

Некоторое время мы находились здесь же, до июля 1945 года. Американские офицеры активно пропагандировали жизнь в Америке и уговаривали поехать туда. Мол, в России вас все равно накажут строго.

Примерно через месяц или побольше за нами приехали русские офицеры на крытых брезентом полупортаках. И повезли в фильтрационный лагерь во Франкфурт-на-Одере, чтобы удостовериться, что наши матери не сотрудничали с немцами. Господи, дождалась! Какая была паника, что все не уместятся, и женщины пихали в кузов детей в первую очередь. Вот тут я немножко помню: я в машине, полно народу, и я плачу громко, не видя мамы рядом. Мы попали в этой панической суматохе в разные машины. Потом всё утряслось.



Мама удивлялась, что вдоль дорог в Германии и в Польше, через которую мы возвращались, были плодовые деревья, яблони в основном. И они рвали эти зелёные ещё яблочки. На ночь останавливались и ставили палатки, что-то готовили. Американцы дали с собой пайки в дорогу. Помню восхитительный вкус американской тушёнки.

Доставили нас с мамой до станции Гдов. До бабушки — 10 километров. И тут попутка. Помню, как радовался водитель этой машины, когда мама дала ему треть буханки хлеба!

И вот мы у бабушки — радости немеряно! Это было в середине августа. И вот что помню: я улетаю ржаной пирог с морковью, запивая киселем из свеклы. Вкусно невероятно! И мысль в моей четырехлетней голове: «Ничего себе бабушка живет!». А бабушка с мамой рыдают, рассказывая друг другу о том, что с ней и с нами было. Я же удивляюсь: почему они плачут?! Еда-то есть! Как избирательна память детская: чувства голода я не помню, а вкус и вид еды помню!

Бабушка жила в бане, в которой увеличили оконце. Дело в том, что бабушку мою немцы, придя в село, назначили старостой, поскольку деда моего загубили в 1937 году (реабилитирован в 1989 году по моим хлопотам). Бабушка, конечно, своих функций, как староста, не исполняла, и её дом немцы сожгли. Она говорила, что её расстреляли бы, если бы они с невесткой не успели спрятаться. Они видели, как их дом поджигали.

Бабушку очень уважали все соседи. И когда мы ее хоронили в Гдове, как она и просила, везли гроб, останавливаясь в каждом селе: люди хотели с ней проститься.

Когда я родила своего первенца, меня пронзила мысль: а мама родила меня на пятый день войны! Вот тогда и дошёл до меня весь ужас войны.



*Бабуля. Фото сделано до войны.
Фото из личного архива
Валентины Михиевой*

...В год 50-летия Победы группу бывших малолетних узников Германии пригласили в свою страну друзья из города-побратима Тюбингена. Возили нас по лагерям, теперь музеям. Было очень тяжело. В группе было пять мужчин и две женщины, почти все мы плакали. Немецкие друзья удивлялись и спрашивали: «Разве психологи с вами не работали?». Среди принимающих нас, бывших малолетних узников, был человек, отец которого в войну занимался освобождением и спасением узников нашего лагеря.

В мой лагерь мы не попали. Сказали, что мэр Гюнцбурга готов меня пригласить. А я испугалась: языка не знаю, денег у меня немного, хотя обещали всем обеспечить, и сопровождающим переводчиком тоже. Отказалась. Наверное, просто страшно было встретиться с прошлым...

Walentina Wiktorowa aus dem Dorf Ushowo

Walentina Mikhkieĵa (Wiktorowa) wurde 1941 im Dorf Ushowo in der Region Pskau geboren. Von 1970 bis 1991 arbeitete sie als Biologin am Institut für Biologie des Karelischen Wissenschaftszentrums der Russischen Akademie der Wissenschaften. Sie lebt in Petrosawodsk.

Walentinas Vater wurde am zweiten Kriegstag eingezogen. Seine Mutter begleitete ihn zum Bahnhof. Und am fünften Kriegstag wurde ich geboren. Als Mama gebar, gelang es Papa, noch einmal zu ihr zu kommen und sich noch von ihr zu verabschieden, aber sie durften sich nicht umarmen. Wegen sanitärer Verordnungen war dies verboten. Gdov wurde bereits am nächsten Tag bombardiert und die Wöchnerinnen flohen mit ihren Kindern im Arm in den Wald, der nicht weit entfernt war. Mama war ihr ganzes Leben lang traurig, dass sie ihren Mann nicht umarmen konnte. Es wäre, wie sich herausstellte, das letzte Mal gewesen.

Wir lebten in der Region Pskow. Das Dorf Uzhovo liegt am Pljussa-Fluss in der Nähe von Gdov am Peipus-See. Die Orte sind sehr malerische, mit sandigen Ufern und Eichenbäumen. Zwei Wochen nach meiner Geburt waren die Deutschen bei uns.

Mamas Mutter lebte 10 Kilometer entfernt auf der anderen Seite von Gdov im Dorf Lugi. Ende 1943, am 1. Dezember, machte meine Mutter sich mit mir auf den Weg zu ihr. Wir gerieten in eine Razzia. Man hat uns zum Auto geschleppt und zum Bahnhof Dobrutschki gebracht. Von dort ging es nach Deutschland. In Dachau mussten wir in die Desinfektionskammer. Dann wurden die jungen Frauen und Mütter zusammen mit den Kindern in ein Tochterlager in Günzburg geschickt. Meine Mutter war damals 25 Jahre alt.

Vieles aus der Zeit, in der ich noch zu klein war, weiß ich von meiner Mutter. Als ich zweieinhalb Jahre alt war, konnte ich schon lange laufen und sprechen. Aber im Lager hörte ich mit beidem auf. In dieser Fraueneinheit war ich das jüngste Kind. Erwachsene erhielten 200 Gramm Brot pro Tag, Kinder 100 Gramm. Mama gab mir ihre Portion.

Meine Erinnerung: Ich sitze auf einer Art Bettzeug auf dem Boden und sehe einen Aluminiumbecher mit etwas Süßem, wie ich mich erinnere, und darauf liegt ein Stück Brot. Es war die Portion meiner Mutter, nehme ich an. Mama sagte, sie müsse den ganzen Tag weg und bat mich, nicht alles auf einmal zu essen. Ich nickte mit dem Kopf und stimmte zu. Später erzählten die anderen Kinder ihr, dass ich aufgestanden bin, sofort alles gegessen habe und wieder ins Bett gegangen bin.

Mama erzählte, wie die Frauen das Brot teilten. Nachdem sie es erhalten hatten, schnitten sie es in kleine Stücke von der Größe einer Streichholzschachtel. Wie bei einem Kinderspiel hielt eine Frau jeweils ein Stück Brot hoch. Eine andere, die sich vorher umgedreht hatte, so dass sie nichts sehen konnte, wurde bei jedem Stück gefragt: «Für wen soll es sein?» Dadurch wurden ungleich große Stücke gerecht verteilt und es gab es keinen Streit.

Ich überlebte nur, weil eine deutsche Frau, die für die Kinder zuständig war, mit mir Mitleid hatte und mich zusätzlich fütterte. Da mein Großvater Estländer ist, war ich ein kleines Mädchen mit heller Haut. Die deutsche Frau hatte keine Kinder. Deshalb bat sie meine Mutter immer wieder, mich ihr zu geben. Sie meinte, den Krieg hätten wir Russen eh schon verloren.

Mama arbeitete als Schweißerin in der Fabrik, in der die Messerschmitts hergestellt wurden. Ihre Häftlingsnummer war 66558. Sie erinnerte sich ihr ganzes Leben lang daran. Als die alliierten Bombenangriffe begannen, verlegten die Deutschen den Arbeitsraum, in dem sich die Frauen und Kinder

befanden, in das Dachgeschoss der Fabrik, über die Werkstätten, in denen die Granaten hergestellt wurden. Es war, als wollten sie sagen, bombt!

Mama erinnerte sich auch daran, dass die Frauen sich und ihre Kinder im Bad zusammen mit den Männern waschen mussten, wobei es immer wieder Schwierigkeiten mit der Seife gab.

Im April 1945 haben uns die Amerikaner befreit. Aber zuerst haben uns die Partisanen gerettet. So drückte meine Mutter sich aus, doch ich denke, es waren russische Soldaten. Die Nazis zogen sich zurück und bauten sowohl die Fabrikanlage als auch unsere Baracken ab. Hier haben uns die Befreier auch dadurch gerettet, dass sie Minen beseitigt haben. Ich erinnere mich, dass wir Kinder auf einer niedrigen Veranda sitzen und vor uns marschieren wunderschöne Beine in Stiefeln mit hoher Schnürung — ein bezaubernder Anblick!

Wir waren einige Zeit hier, bis Juli 1945. Amerikanische Offiziere priesen uns das Leben in Amerika an und wollten uns überreden, dorthin zu gehen. Denn wir müssten damit rechnen, in Russland schwer bestraft zu werden.

Ungefähr einen Monat oder etwas später trafen russische Offiziere auf Planwagen ein. Wir wurden in ein Untersuchungslager in Frankfurt an der Oder gebracht. Dort wollte man prüfen, ob unsere Mütter mit den Deutschen zusammengearbeitet hatten. Du lieber Himmel! Was war das für eine Panik. Hier erinnere ich mich ein wenig: Ich bin im Auto, voller Menschen, und ich weine laut, ohne meine Mutter in der Nähe zu sehen. In diesem panischen Trubel stiegen wir in verschiedene Autos. Dann beruhigte sich alles.

Auf dem Rückweg war Mama überrascht, dass es auf den Straßen in Deutschland und Polen Obstbäume gab, hauptsächlich Apfelbäume. Von denen haben wir grünen Äpfel gepflückt. Nachts hielten wir an, stellten Zelte auf und kochten etwas. Die Amerikaner gaben Lebensmittelrationen entlang

der Straße aus. Ich erinnere mich an den köstlichen Geschmack des amerikanischen Eintopfs.

Meine Mutter und ich wurden bis zum Gdov-Bahnhof gebracht. Großmutter wohnte ja nicht weit von dort. Und dann die letzte Fahrt. Ich erinnere mich, wie glücklich der Fahrer dieses Autos war, als meine Mutter ihm ein Drittel eines Laibs Brot gab!

Endlich sind wir bei meiner Großmutter. Was war das für eine Freude! Es war Mitte August. An Folgendes kann ich mich gut erinnern: Ich esse einen Roggenkuchen mit Karotten, der mit Rote-Bete-Gelee überzogen ist. Unglaublich lecker! In meinem vierjährigen Kopf denke ich: «Wow Großmutter lebt!». Großmutter und Mutter weinen und erzählen sich gegenseitig, was wir alles erlebt hatten. Ich frage mich: «Warum weinen sie?! Es gibt doch genügend zu essen!» Wie selektiv das Gedächtnis der Kinder ist: Ich erinnere mich nicht an Hungergefühle, aber ich erinnere mich an den Geschmack und die Art des Essens!

Großmutter lebte in einem umgebauten Badezimmer, in dem das Fenster vergrößert worden war. Tatsache ist, dass die Deutschen meine Großmutter zur Dorfältesten bestimmt hatten, als sie im Dorf ankamen. Mein Großvater war 1937 getötet worden (1989 wurde er aufgrund meiner Bemühungen rehabilitiert). Weil meine Großmutter jedoch ihre Funktionen als Schulleiterin nicht ordnungsgemäß erfüllte, brannten die Deutschen ihr Haus nieder. Nur weil sie Zeit genug hatten sich zu verstecken, kam sie zusammen mit ihrer Schwiegertochter mit dem Leben davon. Die beiden Frauen konnten beobachten, wie ihr Haus in Brand gesteckt wurde.

Die Großmutter wurde Zeit ihres Lebens von allen sehr respektiert. Als wir sie nach ihrem Tod auf ihren Wunsch hin in Gdov beerdigten, trugen die Nachbarn ihren Sarg in die Stadt

und hielten auf dem Weg dorthin in jedem Dorf an. Die Leute wollten sich von ihr verabschieden.

Als ich mein erstes Kind zur Welt brachte, quälte mich der Gedanke, dass meine Mutter mich am fünften Kriegstag zur Weltgebracht hatte! Da kam dann noch einmal der Schrecken des Krieges zu mir.

Im Jahr des 50. Jahrestages des Sieges wurde eine Gruppe ehemaliger jugendlicher Gefangener von Freunden aus der Partnerstadt Tübingen nach Deutschland eingeladen. Wir fuhrten auch zu verschiedenen Lagern, die jetzt Gedenkstätten sind. Es war sehr hart. Es waren fünf Männer und zwei Frauen in der Gruppe, fast alle von uns weinten. Die deutschen Freunde waren überrascht und fragten: «Hattet ihr keine Psychologen, die euch geholfen haben, mit allem fertig zu werden?» In unserer Gruppe war auch ein Mann, dessen Vater während des Krieges an der Befreiung und Rettung der Gefangenen unseres Lagers beteiligt gewesen war.

Der Bürgermeister von Günzburg hatte mich eingeladen, auch mein Lager zu besuchen. Ich habe es nicht getan. Ich hatte Angst und dachte, ich kenne die Sprache nicht und habe wenig Geld. Obwohl man mir versprochen hatte, mir alles und auch den begleitenden Übersetzer zur Verfügung zu stellen, habe ich den Besuch trotzdem verweigert. Ich glaube, die Angst war zu groß, noch einmal auf die Vergangenheit zu treffen ... Quelle: <https://gazeta-licey.ru/public/87646-deti-voynyi-valentina-viktorova-iz-derevni-uzhovo>.

Костенко Наталья Ивановна

*Интервью провела Яковлева Екатерина Анатольевна
по телефону 9 мая 2020 года*



Фото из личного архива Натальи Костенко

От отца у нас не осталось фотографии: только квитанция, что взяли паспорт и выдали военный билет, датированная 22 июня 1941 года. Жили мы тогда в 10 км от г. Пушкина в селе Антропшино Ленинградской области.

11 сентября 1941 года в наше село пришли фашисты. В феврале 1942 года нас вели пешком по деревням Псковской области, останавливались мы в лагере «Берёзки» (6 км от Пскова), деревне Монастырёк. Потом перевели в Латвию, лагерь Тилти около Либау, на берегу Балтийского моря. Боёв там не было, освободительные войска прошли мимо. Нас погрузили на баржу, собрались везти в Германию, но там шли сильные бои, и нас вернули обратно, в землянки.

Моему брату было тогда уже 14 лет (на 9 лет старше), они с мальчишками встретили красноармейцев, те сказали, что

война закончилась. Знакомая женщина советовала не ехать в Ленинград, что туда не пустят, и решили ехать к ним в Вырицы. Мальчишки носились по пустому городу, нашли в сберкассе советские деньги, отнесли матерям. Поэтому у нас были деньги, чтобы проехать до места, минуя контрольные лагеря.

На месте маму сразу взяли на работу. Жили сложно, копали прошлогоднюю картошку. В дом, где мы жили, вернулись хозяева — финны. Оказалось, что мы жили на богатствах: в подвале были закопаны бочки с солёным мясом, квашеной капустой, картошкой. Мама вышла замуж за сына хозяйки этого дома. Потом их с семьёй выслали в Эстонию. Там мы жили год. Оттуда отправили в Карелию, это был 1949 год. Здесь я уже доучилась в школе, поступила в университет. Повезло с возрастом: я поступала в университет после 20-го съезда, а если бы раньше — могли бы и не взять.

Когда вышел указ об узниках, мама была ещё жива. Я ездила в Ригу за доказательствами, но получила отказ. То, что я — бывшая узница, признали по личным листкам, которые заполняли раньше все, и по воспоминаниям мамы.

Об отце сведения мы нашли позже, в 3-й книге памяти Ленинграда. Он умер в госпитале от ран. Сведения об этом сохранились в полевой почте, были написаны на конверте от письма.

Kostenko

Natalia Iwanowna

*Das Interview wurde am 9. Mai 2020 von
Jakowlewa Ekaterina Anatoljewna telefonisch geführt*

Wir hatten kein Foto von unserem Vater: nur eine Quittung, dass sie einen Pass genommen und einen Militärausweis vom 22. Juni 1941 ausgestellt hatten. Wir lebten dann 10 km von der Stadt Puschkin entfernt im Dorf Antropschino in der Region Leningrad.

11. September 1941 kamen die Nazis in unser Dorf. Im Februar 1942 wurden wir durch die Dörfer der Region Pskow geführt und übernachteten im Lager Berjoski (6 km von Pskow entfernt), dem Dorf Monastirjok. Dann zogen sie nach Lettland, dem Tilti-Lager in der Nähe von Libau, an den Ufern der Ostsee. Es gab keine Kämpfe, Befreiungstruppen gingen vorbei. Wir wurden auf einen Lastkahn verladen, der nach Deutschland gebracht werden sollte, aber es gab starke Schlachten, und wir wurden zu den Unterständen zurückgebracht.

Mein Bruder war damals schon 14 Jahre alt (9 Jahre älter), er und die Jungs trafen die Männer der Roten Armee, sie sagten, der Krieg sei vorbei. Eine Freundin riet, nicht nach Leningrad zu gehen, damit sie mich nicht dorthin lassen würde, und beschloss, zu ihnen nach Vyritsy zu gehen. Die Jungen eilten durch die leere Stadt, fanden sowjetisches Geld in der Sparkasse und brachten es zu ihren Müttern. Deshalb hatten wir Geld, um an den Ort zu gelangen und die Kontrolllager zu umgehen.

Vor Ort wurde Mama sofort eingestellt. Sie lebten hart und gruben die Kartoffeln des letzten Jahres. Die finnischen Besitzer kehrten in das Haus zurück, in dem wir lebten. Es stellte sich heraus, dass wir von Reichtum lebten: Fässer mit gesalzenem Fleisch, Sauerkraut und Kartoffeln wurden im Keller vergraben.

Брынин Юрий Михайлович

Воспоминания записаны собственноручно

Я родился 24 декабря 1937 года в посёлке Коминтерн Чудовского района Новгородской области. Отец и мать работали на спичечной фабрике в г. Чудово. В семье было 5 человек, кроме родителей был брат, сестра и я. А потом пришла война. Руководству фабрики было дано указание эвакуировать оборудование фабрики на бортах по реке Волхов. Отец, как хороший специалист, отвечал за разборку, погрузку и отправку оборудования. А в это время немцы день и ночь бомбили Новгород, железную дорогу на Ленинград и реку Волхов.



*Фото из личного архива
Е. А. Яковлевой*

Баржи с оборудованием благополучно ушли по реке, а наша семья осталась в посёлке Коминтерн, так как машина, которая должна была привезти нас к баржам, не пришла. Отец на лодке повёз нас вниз по течению реки Волхов и мы оказались в посёлке Грузино, что в 10 км от Чудово, которое немцы оккупировали в августе 1941 года. Немцам нужна была бесплатная рабочая сила и они всех людей из деревень согнали в г. Чудово. Мы жили в бараке у бабушки, которая погибла от осколка снаряда, влетевшего в окно барака.

Два с лишним года хозяйничали немцы в Чудово. Бомбили город день и ночь, город был варварски разрушен, но

они рвались к Ленинграду, и поэтому зверствовали. Взрослое население работало у немцев, за что они давали кое-какую еду. Старший брат тоже старался что-то раздобыть. Таскал чемоданы приезжающим немцам, а они давали хлеба.

В 1943 году немцы стали увозить людей в Германию на работу. Увозили целые семьи в товарных вагонах. В Германии в г. Кассель всех поместили в концлагерь, жили в бараках за колючей проволокой. Родители работали на заводе. Сколько времени мы жили в этом лагере — никогда не говорили. Пока родители работали, все дети оставались в бараках. Из питания в памяти осталась только похлёбка их брюквы.

Ближе к Победе, территории концлагерей очень часто бомбили американцы, поэтому нас несколько раз перевозили из одного концлагеря в другой. Так пришло время Победы. Мы оказались на территории американцев. Уже позже пришла наша армия, нас погрузили на грузовики и через всю Европу повезли домой, там мы попали в Чудово. Более подробней — не помню.

По приезду в Чудово оказалось, что наш дом сгорел. Фабрика очень сильно разбомблена. Ни жилья, ни работы. Мы оказались в совхозе «Волхов», что недалеко от Чудово. Там я пошёл в школу, потом мы переехали в село Коломовна. В 1949 году, отца как специалиста востребовали на восстановление и наладку оборудования на спичечную фабрику «Пролетарское знамя».

В 1956г. окончил школу и сразу был призван в армию. Был на целине, а потом перевезли в учебку в г. Олонец, потом в г. Кемь на обслуживание аэродрома.

В 1959 году демобилизован, поступил в институт в г. Горьком. По окончании по распределению попал в Петрозаводск на ОТЗ. С 1964 года работал почти 49 лет. В данный момент — пенсионер.



Brinin

Jurij Michajlowitsch

Die Erinnerungen wurden von ihm eigenhändig aufgezeichnet

Ich wurde am 24. Dezember 1937 in einem Dorf namens Komintern geboren. Das liegt in der Nähe von Tschudowo zwischen Nowgorod und Sankt Petersburg. Mein Vater und meine Mutter arbeiteten in Tschudowo in einer Streichholzfabrik. Die Familie bestand aus fünf Personen. Außer meinen Eltern gab es einen Bruder, eine Schwester und mich.

Und dann kam der Krieg. Die Fabrikleitung ordnete an, die Fabrikanlagen an den Fluss Wolchow zu evakuieren. Mein Vater war als guter Spezialist für die Demontage, die Verladung und den Versand der Ausrüstung verantwortlich. In der Zwischenzeit bombardierten die Deutschen Tag und Nacht Nowgorod, die Eisenbahn nach Leningrad und den Wolchow.

Die Lastkähne mit den Fabrikanlagen gelangten sicher an den Fluss, aber unsere Familie kam nicht mit, weil das Auto, das uns zu den Lastkähnen bringen sollte, nicht eintraf. Schließlich nahm mein Vater uns alle mit auf ein Boot. Wir fuhren den Wolchow hinunter und landeten im Dorf Grusino, 10 km von Tschudowo entfernt.

Tschudowo war im August 1941 von den Deutschen besetzt worden. Die Deutschen benötigten dort Arbeitskräfte. Deshalb holten sie die Menschen aus ihren Dörfern und brachten sie in die Stadt. Die Erwachsenen arbeiteten für die Deutschen und bekamen dafür Lebensmittel. Mein älterer Bruder wollte auch arbeiten und schleppte Koffer für neu eintreffende Deutsche. Dafür gaben sie ihm Brot. In dieser Zeit lebten wir zusammen mit meiner Großmutter in einer Baracke.

Mehr als zwei Jahre lang regierten die Deutschen in Tschudowo. Die Stadt wurde Tag und Nacht bombardiert und barbarisch zerstört. Doch die Deutschen wollten unbedingt Leninrad erreichen, und deshalb begingen sie diese Gräueltaten. Als bei einem der Bombardements ein Granatsplitter durch unser Barackenfenster flog, wurde meine Großmutter schwer verwundet. Sie starb an ihren Verletzungen.

1943 begannen die Deutschen, Menschen zum Arbeiten nach Deutschland zu bringen. Ganze Familien wurden in Güterwagen abtransportiert. Auch wir waren dabei. Wir kamen nach Kassel und mussten dort in einem Konzentrationslager in Baracken und hinter Stacheldraht leben. Die Eltern arbeiteten in einer Fabrik. Währenddessen blieben wir Kinder im Lager. Wie lange wir in diesem Lager zugebracht haben, kann ich nicht sagen. Vom Essen blieb mir nur der Eintopf aus weißen Rüben in Erinnerung.

Als die Alliierten näher rückten, wurde unser Gebiet häufig von den Amerikanern bombardiert. Deshalb wurden wir mehrmals von einem Arbeitslager ins andere verlegt. Endlich kam die Zeit des Sieges, die wir auf amerikanischem Territorium erlebten. Später traf unsere eigene Armee ein. Sie lud uns auf Lastwagen und brachte uns zurück nach Tschudowo. Leider kann ich mich daran nicht genauer erinnern.

Bei der Ankunft in Tschudowo stellte sich heraus, dass unser Haus niedergebrannt worden war. Die Fabrik war schwer bombardiert worden. So hatten wir keine Unterkunft und keine Arbeit. Wir kamen auf einem staatlichen Bauernhof unter, nicht weit von Tschudowo entfernt. Dort ging ich auch zur Schule.

Späterzogen wir in das Dorf Kolomowna um. 1949 bekam mein Vater als Spezialist den Auftrag, die Industrieanlagen der Streichholzfabrik Proletarskoje Snamja wiederherzustellen und den neuen Gegebenheiten anzupassen.

Im Jahr 1956 beendete ich die Schule und wurde in die Armee eingezogen. Zunächst kam ich in eine Ausbildungsschule in Olonets. Später wurde ich nach Kem in Karelien versetzt, um den Flugplatz zu bewachen.

Im Jahr 1959 wurde ich aus der Armee entlassen und besuchte ein Institut in Gorki. Nach meinem Abschluss 1964 wurde ich an die Traktorenfabrik nach Petrosawodsk versetzt. Dort arbeitete ich fast 40 Jahre. Nun bin ich Rentner.

J. M. Brinin